

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 5 мѣсяцевъ	8 франк.
» 3 мѣсяца	5 »
» 2 мѣсяца	3 »
» 1 мѣсяць	2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое ДЕКАБРЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Учащаяся молодежь и политическая агитация, М. Драгоманова. — 2) Сибирскія письма. Крестьянскія переселенія и надежды. I. — 3) Политика и экономія въ уѣздѣ югозападнаго края (корреспонденція «Вольнаго Слова»), II. — 4) Отъ редакціи. — 5) Сущность антисемитическаго движенія, III-та. — 6) Национализація земли. (Продолженіе). — 7) Литературно-политическіе отрывки: II. Бѣдненькіе самодержцы. III. Эпическій характеръ крестьянскихъ мечтаній. IV. Козацкія традиціи на Украинѣ. V. Страхи украинскаго сепаратизма, М. Драгоманова. — 8) Извѣстія и замѣтки: Литературныя вѣсти: Запрещеніе біографіи Шевченка. Малорусско-нѣмецкій словарь. — Австрійская культура въ Босніи. — Кахановская реформа. — Неутратившіе бюджета стихи 60-хъ годовъ. — 9) Вынужденное объясненіе. — 10) Объявленія.

ЖЕНЕВА, 1 декабря 1882.

Телеграммы о закрытіи казанскаго университета и объ арестѣ цѣлой сотни студентовъ петербургскаго университета заставляютъ насъ вновь обратить вниманіе читателей на предметъ, котораго мы касались недавно, а именно на вопросъ объ участіи молодежи въ политической агитации.

«Студенческія волненія» или «беспорядки» являлись въ Россіи явленіемъ хроническимъ, которое тянется почти безъ перерыва съ самаго 1857 г. (съ такъ называемой «лужинской исторіи» въ Харьковѣ). Въ этихъ волненіяхъ можно различить два элемента, хотя и тѣсно связанные одинъ съ другимъ: частный, академическій, и общій, политическій. Извѣстныя явленія студенческихъ «беспорядковъ» обуславливаются тѣмъ, что самодержавно-монархическое правительство русское, вообще противное всякому общественному и коллегіальному началу, особенно терпитъ этого начала въ высшихъ школахъ, которыя между тѣмъ по существу своему требуютъ извѣстной степени свободы и коллегіальнаго самоуправленія, — и не дастъ должной доли автономіи даже преподавателямъ высшихъ школъ, а тѣмъ болѣе учащейся въ нихъ молодежи. Отсюда является у послѣдней неудовлетворенность, которая представляетъ естественное поле для всякой противуправительственной агитации, не говоря уже о томъ, что ненормальныя условія положенія студентовъ вызываютъ цѣлый рядъ

столкновеній, которыя, по существующимъ въ Россіи правительственнымъ взглядамъ, представляются явленіями политическаго характера. Такъ какъ долгій опытъ послѣдняго царствованія показалъ, что т. назыв. въ Европѣ академической свободы (автономіи преподавателей, свободы преподаванія, права студентовъ на устройство корпорацій съ свободою науки и слова и въ нихъ) нельзя ожидать отъ самодержавно-бюрократическаго правительства, то отцамъ нашей учащейся молодежи ничего не остается, какъ или трепетать за участь своихъ дѣтей во все время пребыванія ихъ въ высшихъ школахъ, — или самимъ рѣшительно выступить противъ этого правительства. Такъ какъ русскіе «отцы» не обнаруживаютъ энергіи къ такому выступленію, то потому сила вещей, — своего рода духъ, правящій жизнью, народовъ — мститъ имъ въ дѣтяхъ ихъ.

То же самое надо сказать и по поводу уже прямо политическаго элемента въ студенческихъ волненіяхъ. Что учащаяся молодежь вся враждебна существующему въ Россіи политическому и общественному порядку вещей, это болѣе чѣмъ естественно, такъ какъ этотъ порядокъ противенъ всѣмъ тѣмъ идеямъ, которыя молодежь выноситъ изъ современной науки, хотя бы послѣдняя преподавалась самымъ искаженнымъ, въ угоду правительству, образомъ. Что молодежь, которая, принадлежа къ наиболѣе образованной части населенія, въ то же время есть и болѣе горячая часть этой послѣдней, энергичнѣе стремится проявить свою вражду къ существующему порядку вещей, — это тоже въ порядкѣ вещей. Мы вовсе не исповѣдуемъ культа молодежи, который, — по естественной, впрочемъ, реакціи оффиціознымъ и оффиціальнымъ Иродамъ, — довольно распространенъ въ извѣстной части русской печати. Наблюденіе надъ общественной жизнью и школой въ Россіи убѣдили насъ, что наши «дѣти» качественно вовсе не выше «отцовъ» и заключаютъ въ себѣ среднимъ числомъ тѣ же пороки и тѣ же добродѣтели, что и от-

цы, при чемъ высшее во многихъ случаяхъ образованіе «дѣтей» очень часто служитъ имъ только для оправданія разными софизмами многихъ пороковъ, ставшихъ, такъ сказать, конституционными пороками русскаго общества. Но тѣмъ не менѣе, на основаніи изложенныхъ выше соображеній, мы считаемъ безспорнымъ то положеніе, что по отношенію къ существующему политическо-общественному строю въ Россіи, учащаяся молодежь ея представляетъ передоваго, самаго горячаго выразителя того разлада, какой существуетъ между всѣмъ образованнымъ обществомъ и правительствомъ Россіи. И съ этой стороны къ русскій молодежи болѣе, чѣмъ къ другой, съ полнымъ правомъ прилагаются слова знаменитаго ученаго и педагога, Н. И. Ппрогова, сказанныя въ его прощальной рѣчи къ киевскимъ студентамъ въ 1861 году: «кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству.»

Вполнѣ естественно, что наша молодежь рвется къ ниспроверженію гнетущаго Россію политико-общественнаго строя, преимущественно пополняя собою всякаго рода противуправительственные заговоры и пользуясь всякимъ, часто и неважнымъ, по существу своему, случаемъ къ протесту, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ академической жизни, превращая сами эти случаи въ явленія политическаго характера. Вполнѣ естественно, но въ то же время все-таки крайне печально, что учащаяся молодежь наша активно проявляетъ свою вражду къ правительству слишкомъ преждевременно, во время своего ученія и преимущественно въ болѣе ранніе его годы. Такимъ образомъ молодежь эта слишкомъ рано растрчиваетъ свои силы и гибнетъ въ слишкомъ неравной борьбѣ почти безъ всякихъ результатовъ для общества.

Въ настоящее время, послѣ опыта столькихъ лѣтъ, людямъ, сколько нибудь способнымъ къ холодному размышлению, трудно не прийти къ подобнымъ заключеніямъ. Возьмемъ хоть послѣднее десятилѣтіе. Трудно найти въ исторіи русскаго общества явленіе болѣе благородное, чѣмъ массовое движеніе учащейся молодежи «въ народъ» въ 1874—75 гг.,—и что же въ сущности дало оно? какіе положительныя результаты, которые хоть сколько нибудь были бы равносильны тому количеству жертвъ, какихъ стоило это движеніе? Если бы это слово имѣло болѣе реального смысла, — мы бы сказали, что великій грѣхъ взяли на свою совѣсть тѣ пожилые люди, которые въ то время, вмѣсто того, чтобъ сдерживать молодежь отъ преждевременной акціи, на которую молодежь пошла безъ связей съ жизнью, безъ знаній не только практическихъ, но даже съ неоконченнымъ теоретическимъ образованіемъ, безъ должныхъ средствъ для нападенія на врага и для самозащиты, торопили эту молодежь. Этотъ преждевременный во всѣхъ отношеніяхъ «крестовый походъ дѣтей» стоить образованному обществу въ Россіи по крайней мѣрѣ 4—5000 преждевременно испорченныхъ жизней, которыя очень бы пригодились теперь, когда вся совокупность внутреннихъ и вѣшнихъ отношеній Россіи поставила ребромъ вопросъ о ея политической реформѣ и когда для вѣской постановки этого вопроса у образованнаго общества оказывается все-таки слишкомъ мало наличныхъ силъ. Если происходящее въ послѣдніе годы въ Россіи дѣтубійство продолжится еще, то страшенъ этой угрожаетъ рѣшительный маразмъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вотъ почему насущнымъ интересомъ противуправительственнаго движенія въ Россіи является въ настоящее время удержаніе учащейся молодежи отъ практической политической агитаціи и отъ растраты силъ на студенческія волненія изъ за домашнихъ поводовъ, которые даетъ жизнь нашихъ учебныхъ заведеній, хотя бы въ этихъ поводахъ вся правда была на сторонѣ «протестующихъ» студентовъ, — такъ какъ эти волненія даютъ только нашимъ Иродамъ предлогъ къ массовому дѣтубійству. Послѣ всего случившагося въ послѣдніе годы только крайне близорукіе люди да агентыпровокаторы могутъ вѣсти пѣсни агитаторовъ 60-хъ—70-хъ годовъ о «революціонной молодежи». Но не надо забывать, что въ дѣлахъ общественной жизни пожеланія и даже увѣщанія значатъ очень мало. Молодежь фатально увлекается и къ академическимъ волненіямъ, и къ преждевременной политической акціи. Воздержаться она можетъ всего рѣшительнѣе конкуренціей ей на этомъ полѣ со стороны «отцовъ».

Примѣръ западно-европейскихъ обществъ служить самымъ лучшимъ подтвержденіемъ сказанному: чѣмъ болѣе здѣсь активны на политическомъ полѣ зрѣлые элементы населенія, тѣмъ позже вступаютъ на это поле молодежь, тѣмъ болѣе остается у нея времени для собиранія силъ къ выступленію въ активную жизнь. Время же филистерской пассивности, напр., нѣмецкаго общества передъ самодержавной бюрократіей въ 1815—1830 гг. было и въ Германіи временемъ студенческихъ конспирацій и даже политическихъ аттентатовъ, въ родѣ убійства Коцебу Зандомъ.

Та гибель молодыхъ силъ Россіи въ 70-е годы, о которой мы сказали выше, то во многихъ отношеніяхъ вредное тогдашнее куреніе фиміама передъ «честною, революціонною русскою молодежью» *) объясняется и въ значительной степени оправдывается тою апатіей, какой допустили овладѣть собою даже лучшія зрѣлыя личности изъ такъ называемаго «общества» во второй половинѣ 60-хъ годовъ, и за тѣмъ отрицательное, часто рѣзко враждебное отношеніе не только къ способамъ дѣйствія, но и къ самой сущности политическихъ и социальныхъ стремленій молодежи 70-хъ годовъ, иногда даже со стороны тѣхъ самыхъ лицъ, которыя сами раздѣляли эти стремленія въ началѣ 60-хъ годовъ.

Теперь опытъ столькихъ лѣтъ долженъ бы убѣдить всѣхъ честныхъ и образованныхъ людей въ Россіи, во первыхъ, въ томъ, что на правительство нельзя возлагать никакихъ надеждъ по части удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ страны—и что, поэтомъ, нужно со стороны общества рѣшительное выступленіе противъ этого правительства, а во вторыхъ, что никакими ворчаніями и увѣщаніями не остановить порывовъ молодежи къ самымъ рискованнымъ дѣйствіямъ противъ этого правительства, — и въ третьихъ, что безъ перемѣны политической системы рѣшительно невозможно сколько нибудь спокойное и безопасное пребываніе молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ всѣхъ этихъ поученій исторіи послѣднихъ десятилѣтій, люди, сколько нибудь развитые политически и вмѣстѣ

*) Вопросъ объ этомъ фиміамѣ самъ по себѣ требовалъ бы отдѣльнаго разсужденія, для котораго мы теперь не имѣемъ времени. Для того, чтобъ хоть сколько нибудь пояснить наши слова, мы прибавимъ къ сказанному нѣсколько строкъ выше, что фиміамъ этотъ курился въ обществѣ, въ которомъ предыдущая исторія (политическое рабство, крѣпостничество, семейное самодурство, невѣжество) тщательно культивировала противугуманные и противосоциальные инстинкты грубаго эгоизма. Можно себѣ представить тотъ вредъ, какой долженъ былъ получиться отъ усвоенія извѣстной частию такого общества, — все таки плоть отъ плоти его и кость отъ кости его, — убѣжденія, что она составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ «соль земли», вполне уже отложившуюся, не нуждающуюся въ совершенствованіи.

съ тѣмъ отцы и братья учащихъ молодыхъ людей, должны бы были прийти къ мысли о необходимости самимъ выступить на сцену политической акціи, первымъ шагомъ которой должно бы быть повсемѣстное образованіе правильныхъ обществъ съ цѣлью политическаго преобразованія Россіи. Эти общества должны, конечно, не сливаться съ молодежью (послѣднее вообще не цѣлесообразно, а теперь еще повело бы только къ облегченію задачъ государственной полиціи), находится однако въ сношеніяхъ съ этой молодежью, знакомя ее съ своими политико-соціальными программами, вліять на нее нравственно, указывая ей наиболѣе насущныя для даннаго времени общественныя задачи и доказывая ей фактомъ своего существованія и дѣятельности отечественіе для нея необходимости торопиться съ выходомъ на активную борьбу, а затѣмъ облегчать этой молодежи, по мѣрѣ приготовленія ея представителей къ дѣятельной жизни, первые шаги въ этой жизни.

М. Драгомановъ.

СИБИРСКІЯ ПИСЬМА.

Крестьянскія переселенія и надежды.

I

Эпохи, предшествующія общественнымъ кризисамъ и великимъ социальнымъ переворотамъ, всегда знаменуются цѣлымъ рядомъ явленій божественнаго движенія: болѣе или менѣе крупными мѣстными народными движеніями, возникновеніемъ новыхъ религіозныхъ сектъ, повальной эмиграціей изъ старыхъ густо заселенныхъ странъ въ новыя, неизвѣстныя территоріи. Всѣ эти явленія безпристрастный наблюдатель замѣчаетъ въ настоящее время въ Россіи. Изъ нихъ я жезъ обратить вниманіе читателей на одно, по второму мы удалось сдѣлать сравнительно довольно обширныя наблюденія. Это — массовыя переселенія крестьянъ изъ старыхъ, населенныхъ мѣстъ, гдѣ подъ каутомъ самодура-попѣвщика всякій клочекъ земли унитался кровныхъ отцовъ и дѣдовъ, въ далекіе зауральскіе края необъятной Россійской Имперіи.

Вотъ уже много лѣтъ, ежегодно съ весны до осени тинутся цѣлыя тысячи русскихъ крестьянъ съ семействами, обыкновенно съ кучей маленькихъ ребятишекъ и грудныхъ дѣтей на плечахъ «новыхъ земель», какъ они выражаются. Но съ лѣта 1880 года движеніе это приняло такіе крупныя размѣры, что обратило вниманіе даже русскаго правительства, къ которому еще скорѣе, чѣмъ къ русскому мужику относится русская пословица: «громъ не границъ мужику не перекрестится». Учреждена была коммисія по переселенческому вопросу, которая однако-же къ особенно путнымъ результатамъ не пришла. А русскій крестьянинъ, не видя на какія коммисіи, продолжалъ себѣ валить на понски такихъ мѣстъ, гдѣ можно было бы только хлѣба набѣться, какъ говорили мы одинъ переселенецъ *). И такъ онъ

*) Въ одной петербургской газетѣ была приведена характеристическая фраза: «пшеница жита, гдѣ земля побольше, а начальства поменьше».

(Ред.)

бредеть за тысячи верст, не зная даже о существовании каких-то комиссий, не обращая внимания на прямые запрещения переселяться, издаваемые подчас через чужь ретивыми не по разуму администраторам, напр., воронежским губернатором. Идут на Кавказ, в Башкирские степи Оренбургской и Уфимской губерний, но особенно сильно в последнее время движение в Западную Сибирь, в так называемый Алтайский горный округ, т. е. в 4 южные уезда Томской губ. *), особенно же в Бийский уезд, эту Америку русских переселенцев. Там все есть, что составляет идеал русского крестьянина земледельца, практикующего исключительно экстенсивную культуру: «пашни, где хочешь, коси, сколько хочешь!» Там, в этой обжитой земле, — «удовольствие — какое сыно! Земли пахать сколько угодно; земля и леса никогда не делятся, и обывчиков нету. Еще реки очень хороши, озера рыбные». Так характеризует тамошнюю жизнь один переселенец в письме на родину своим единообщественникам.

Такова та страна, в которую направляются в настоящее время крестьянские переселения из 17 внутренних губерний Европейской России **). По официальным сведениям в один Бийский округ переселилось в 1881 г. 2839 семей: считая среднюю переселенческую семью в 6 человек, это составляет свыше 17000 душ. Если же прибавить сюда переселенцев, основавшихся в других местностях Томской губ., то это, по нашим расчетам, составит не менее 31000 человек. Такое массовое движение в Томскую губ., как я сказал, продолжается уже третий год.

Каковы же те причины, которые гонят такие волны народа в Сибирь, в эту страну с одним именем которой связано представление (далеко, впрочем, не верное) как о чем-то ужасном, страшном? «Шибко уж тесно жить стало», обыкновенно отвечают на этот вопрос крестьяне. Чтобы понять, что означает это «тесно стало», надо принять во соображение социально-экономические условия жизни в России. В 1861 году, когда состоялось освобождение крестьян от крепостной зависимости, в принципе было признано необходимым надѣление крестьян землею. Но на практике этот принцип был значительно урезан как представителями придворной крепостной партии, так и местными представителями реформы, которые почти все принадлежали к помещичьему сословию и, за малыми исключениями, были яркими противниками реформы. В результате оказалось, что крестьяне после реформы получили во владение втрое меньшее количество земли против того, которым пользовались при крепостном праве, при том земли самой плохой и обремененной многочисленными платежами и повинностями. Несколько лучше положение другой группы крестьянского сословия в России — бывших государственных крестьян, получивших во владение больше земли, сравнительно с бывшими крепостными. Однако и их надѣлы да-

леко не удовлетворяли требованиям крестьянской культуры в России. По вычислениям Семевского, нормальная величина крестьянского землевладения в северной России не должна быть ниже 12 десятин *) на каждое лицо мужского пола; между тем средние размеры крестьянского землевладения равняются там приблизительно 3—4 дес. на душу, а во многих местах еще ниже. Помимо этого, в течение последних 25 лет население повсюду значительно возросло — прежние размеры землевладения стали еще недостаточны. В некоторых местах величина крестьянского надѣла доходила до $\frac{3}{4}$ и даже до $\frac{1}{2}$ дес. на душу. Понятно, что, при таких условиях, земля далеко не обеспечивала крестьянина, и он вынужден искать где нибудь заработков на стороне. Обыкновенно экономические отношения крестьян к другим сословиям складываются так. По соседству живет один или несколько помещиков. Некоторые из них сдают свою землю в аренду купцам, другие же хозяйничают сами. Как в том, так и в другом случае вся земля большей частью делится на 3 части: худшая земля сдается в аренду крестьянам за деньги или под работу; арендатор обязывается обработать и убрать владѣльцу некоторый участок. Земля среднего качества сдается на началах полупартнерства, а лучшая земля обрабатывается или при помощи наемных работников, или же, чаще, при помощи вышеупомянутых арендаторов из крестьян-домохозяев. Скажем о каждой категории особо. Каковы бывають условия аренды, можно судить по слѣд. данным. Арендная плата за десятину земли простирается до 15 — 20 рублей в год, во многих местах до 25—30 р.; за обработку же десятины земли в течение года платится руб. 5—6. Таким образом доход землевладѣльца в 5—6 раз превышает долю рабочего в продукте. Часто аренда идет так высоко, что крестьянину за работу остается одна солома, не рѣдко же он терпит чистый убыток.

Не более выгодна и аренда пашни. Прежде крестьянину доставалась половина чистого продукта, сѣмена же были хозяйские; крестьянин доставлял только орудия и труд. Теперь же, говорят переселенцы, дѣлать пополам валовой продукт, а сѣмена при том доставляются крестьянином. Таковы, напр., отношения в некоторых местах Пензенской губ. При таких условиях возможно, что в неурожайный год крестьянин не выручит и сѣмян, а помещик будет иметь некоторый барыш. В Харьковской губ. половники работают на своей лошади, из урожая же получают $\frac{1}{3}$ часть. В некоторых местах Рязанской губ. прежние помещики совсѣм разорились и сдали землю в аренду купцам. Эти-то последние худшую, песчаную землю сдают от себя в аренду крестьянам на слѣдующих условиях: крестьяне сѣвять землю своими сѣменами, потом, сжавши хлѣб, сжигать его в гумно, кроме того обязаны 4 дня отработать хозяину в рабочую пору. За тем половина урожая принадлежит владѣльцу. На такой земле, сѣвьями 6 пудов, соберешь 18 пудов хлѣба; но бывасть, что

*) Русская десятина равняется приблизительно 1,1 гектара.

сбор достигать не более 5 пудов. Таким образом в урожайный год крестьянин получит с десятины пудов 6, за вычетом стоимости 4 рабочих дней, т. е. 1 р. 60 к.

Наконец, лучшая земля обрабатывается купцом или помещиком, частью, при помощи наемных рабочих, частью же, трудом арендаторов и заемщиков крестьян, ежегодно в голодное время забирающих в долг хлѣба деньги.

Отчего же соглашаются русские крестьяне на такие невыгодные условия? — спросить, быть может, иностранный читатель. Оттого, что к этому принуждают их вся обстановка жизни. Как сказано, земли у них так мало, что стороннее занятие составляет необходимость. С другой стороны, необходимо ежегодно уплачивать около 10, а в иных местах 16—20 руб. прямых налогов с ревизской души. В большей части переселенческого района земля требует удобрения, а слѣдств. у крестьян не хватает в достаточном количестве по трем причинам: во 1, тяжелые платежи не позволяют крестьянам держать необходимое количество скота, для которого, с другой стороны, кормов нет; луга у крестьян при знаменитой реформе почти все отрезаны; наконец, в большей части этого района крестьянские леса вырублены, а земля из-под леса распахана; помещики же после реформы не умели приспособиться к условиям вольнонаемного хозяйства и тоже вырубили свои леса на свозъ лесопромышленникам; дрова слѣдствие этого страшно вздорожали и в некоторых местах стоимость 1 куб. саж. дров доходила до 25 руб. Это вынуждает крестьян топить сушеным навозом «клизьком». «Клизько» распространено в губерниях Рязанской, Тамбовской, не говоря уже о местностях со степным характером, как Самарская губерния. Понятно, что во всех этих случаях отомщение совершается на счет удобрения. Все эти причины быстрыми шагами приводят крестьянское хозяйство к упадку.

Теперь, я думаю, станет понятно, что русский крестьянин вынужден брать землю на каких угодно условиях: надо внести подати, иначе имущество будет продано с аукциона за безценок; надо кормиться, надо уплатить долг за зимний хлѣб. И вот крестьянин по повелю соглашается на все условия, какие ему предложит землевладѣлец или купец-арендатор.

Вот положение крестьянина в центральных губерниях России. Народная предприимчивость ищет выхода из него разными путями. Помимо обеспечивающей крестьянина аренды помещичьей или купеческой земли, он каждое лето отправляется на земледельческие работы на Дон или за Волгу к казакам, этой крестьянской аристократии в России, или в Таврическую губернию. Иные идут даже за 1000 верст, заходят и на Кавказ. Другая часть уходит на фабрики или в каменноугольные шахты (напр., крестьяне Скопинского уезда Рязанской губ., или Моршанского уезда Тамбовской губернии). Однако все эти заработки далеко не обеспечивают крестьян, благодаря сильному предложению рабочих рук. Но как бы не земледельческий заработок не обеспечивал крестьянина, его все так тянет к земле, такова уж сила народной привычки, — больше: сущность народной

*) Барнаульский, Бийский, Кузнецкий и Колыванский.

**) Вот эти губернии: Вологодская, Воронежская, Вятская, Казанская, Курская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Самарская, Тамбовская, Тобольская, Тульская, Уфимская и Харьковская.

души. Въ теченіе мнѣхъ изслѣдованій мнѣ встрѣтились два крестьянина Вятской губ., хорошие ремесленники. Они жили въ Пермской губ., гдѣ занимались выдѣлкой гармоникъ, луженіемъ и починкой самоваровъ. Занятіе это, по ихъ собственнымъ рассказамъ, ихъ хорошо обезпечивало, между тѣмъ какъ положеніе земледѣла у нихъ на родинѣ далеко не завидное. Отчего же вы не выписали къ себѣ семействъ и не жили въ городѣ?—спросилъ я. На это они мнѣ не угаили отвѣтить; мой вопросъ, очевидно, имъ показался страннымъ. «Для крестьянина главное, чтобы земля была, чтобы хлѣбъ былъ», говорилъ мнѣ въ другой разъ переселенецъ-малороссъ. И въ этихъ простыхъ словахъ разгадка того, почему русскій крестьянинъ проявляетъ самый лучшій заработокъ, въ формѣ ремесленной или наемной фабричной работы, на положеніе самостоятельнаго хозяина землевладѣльца. Часто бываетъ, что отхожіе (даже и неземледѣльческій) заработокъ служитъ первою ступенію къ переселенію на новое мѣсто. Мнѣ случалось наблюдать переселенцевъ, работавшихъ ранѣе неподалеку отъ Кавказа, въ качествѣ земледѣльцевъ, батраковъ или ремесленниковъ, которые потомъ искали «вольныхъ мѣстъ» на Кавказѣ. Другіе жили раньше въ Сибири; напр., одинъ 5 лѣтъ занимался выдѣлкой бочекъ на большомъ винокуренномъ заводѣ въ Тобольской губ. (сосѣдней съ Томской); другой гонялъ гурты скота изъ подъ Петропавловска (Акмолинской области). Одна партія переселенцевъ, родомъ изъ Нижегородской губерніи, переселилась въ Томскую по вызову своихъ односельцевъ коробейниковъ, заходившихъ туда съ образками и высмотрѣвшихъ хорошія мѣста.

Таковы мотивы переселеній.

Въ слѣдующемъ письмѣ опишу самый способъ переселенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМІЯ ВЪ УѢЗДѢ ЮГОЗАПАДНАГО КРАЯ.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова».)

II.

Послѣ такого, каемси, длиннаго отступленія въ государственную область возвратимся къ уѣзду, а въ немъ къ евреямъ.

Во время освобожденія крестьянъ евреи еще не стояли настолько лицомъ къ лицу съ крестьянами, какъ теперь; торговля предметами крестьянскаго потребленія еще была ничтожна, — тогда какъ теперь она уже довольно значительна и вся въ рукахъ евреевъ. Со времени освобожденія прошло 20 лѣтъ; статистики еще не опредѣлили законовъ движенія еврейскаго населенія, для христіанскаго же народонаселенія въ такихъ странахъ, какъ Россія, равняется 1% ежегодно; не будетъ ничего преувеличеннаго, если, съ принятыми изъ разныхъ мѣстъ евреями, мы опредѣлимъ ихъ годовое народонаселеніе въ 2%, т. е. въ 20 лѣтъ болѣе 40%, ибо нужно брать сложный процентъ. Для такой массы потребовались новыя средства; они открыты были еврейскою изобрѣтательностью, главнымъ образомъ, на устроенной жилищеніемъ правительства почвѣ внутренняго управленія,

а нѣкоторую, впрочемъ, небольшою, частью и на поприщѣ торговли и ремесленности. Та и другая развились, но получили характеръ, основанный на современномъ началѣ быстрѣйшаго обращенія капиталовъ, что и явилось въ формѣ болѣе дешевыхъ продуктовъ, въ ущербъ прочности или качеству. Начало это евреи довели до совершенства. Въ видѣ примѣра возьму, напр., хоть стаканы и сапоги. Въ мѣстечкѣ или уѣздномъ городѣ, гдѣ вся торговля находится въ рукахъ евреевъ, нельзя найти стакановъ иныхъ, какъ по 9 коп. за штуку. Если въ семействѣ на 2 года нужна одна дюжина лучшихъ стакановъ по 25 коп. каждый, то 9-ти конфектовыхъ нужно 4 дюжины, т. е. въ первомъ случаѣ я плачу 3 р., а во второмъ 4 р. 32 коп. Вотъ эти то 1 р. 32 к. и будутъ налогомъ, установленнымъ евреями на потребителей. Ремесленникъ еврей шьетъ мнѣ сапоги дешевле крестьянина; они и красивѣе, но посятся только 2 мѣсяца; тогда какъ ремесленникъ крестьянинъ беретъ дорожѣ и дѣлаетъ ихъ неуклюжими, но за то они просятся 8 мѣсяцевъ или годъ. О всякомъ другомъ товарѣ и ремеслѣ можно сказать то же самое. И такъ, путемъ строгаго проведенія начала быстрѣйшаго обращенія капиталовъ во всѣхъ видахъ торговли и ремесленности евреи обложили населеніе въ свою пользу налогомъ. Гдѣ торговля и ремесленность сжишались, т. е. раздѣлялись между евреями и христіанами, а тѣмъ болѣе гдѣ они исключительно христіанскія, тамъ противъ самого названнаго начала ведется еще конкуренція, тогда какъ, при исключительно еврейскомъ составѣ торговцевъ и ремесленниковъ, эта конкуренція окончательно устранена. Обстоятельство это слѣдуетъ записать на счетъ ихъ солидарности или единства общественнаго духа.

Размноженіе евреевъ, какъ естественнымъ народонаселеніемъ, такъ и переселеніемъ въ нашу обывающую для нихъ землю изъ Румыніи, Австріи и Германіи (число такихъ новыхъ колонистовъ, появившихся со времени послѣдней прусско-французской войны и гонений въ Румыніи, не малое)—потребовало, какъ выше сказано, новыхъ средствъ; введенная же у насъ всеобщая воинская повинность умножила къ тому же ихъ нужды, ибо уклоненіе отъ ней стоило дорого. Подъ вліяніемъ паросиныхъ нуждъ, евреи должны были расширить и углубить свою дѣятельность. Они набросались на лѣса и освобождали отъ нихъ страну, благо правительство оставило лѣса въ такомъ положеніи, какъ бы они составляли излишнюю роскошь для Россіи. Имѣя въ своихъ рукахъ лѣса, евреи много способствовали въ юго-западномъ краѣ измѣненію характера свекло-сахарной промышленности; значительная, если не бѣлая часть заводовъ изъ землевладѣльческихъ сдѣлалась акціонерными. Одновременно съ этимъ, какъ совершенно вѣрно говоритъ дозволенная пресса, евреи подъ вліяніемъ всѣхъ странныхъ переходовъ закона 1874 года о нитейной торговлѣ, объявляемыхъ, скажемъ отъ себя, лишь взяточничествомъ высшихъ чиновниковъ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ (всѣмъ извѣстно, что въ то время евреи не разъ собирали значительныя суммы денегъ и возили ихъ въ Петербургъ;

этого они, впрочемъ, и не скрывали), разселились по селамъ. Всѣ извѣстные переходы закона 1874 года совершались въ 1875 и 1876 годахъ. Послѣ войны наступила успешная политическая реакція; въ губерніяхъ она выразилась окончательнымъ приписаніемъ мировыхъ крестьянскихъ учреждений, въ составѣ которыхъ, не смотря на всѣя очистку, все таки оставался извѣстный процентъ интеллигентнаго элемента, объявленнаго окончательно подозрительнымъ въ политическомъ смыслѣ, — и увеличеніемъ власти полиціи, не въ силу закона, а лишь указаннымъ въ предыдущемъ письмѣ маневромъ губернаторовъ. Это повело къ тому, что заставило мировыхъ посредниковъ воздержаться отъ пародической дѣятельности, а послѣднее въ свою очередь дозволило евреямъ устроиться въ селахъ — съ большимъ удобствомъ; народническихъ посредниковъ выжили окончательно разными путями.

Увеличеніе въ нашемъ краѣ населенія повлекло увеличеніе и числа жилыхъ строеній; страшная рубка лѣсовъ этому содѣйствовала; потребовалось болѣе топлива, а истребленіе лѣсовъ уменьшило его количество — солома сдѣлалась во многихъ мѣстахъ чуть не единственнымъ топливомъ, — и оно сильно воздорожало; подъ вліяніемъ этого, поднялись цѣны на наемъ земель, дошедшія во многихъ мѣстахъ, какъ прежде сказано, до 18 рублей за десятину кругомъ. Когда единственнымъ конкурентами при такой цѣнѣ явились евреи и крестьяне, и первые, путемъ кредита помѣщикамъ и всякихъ дѣйствій, взяли верхъ, то отношенія между евреями и крестьянами обострились. Несмотря однако на сильное развитіе еврейской дѣятельности, нужды умножившихся евреевъ были выше средствъ, которыми они располагали. Бѣдность въ еврейской массѣ превосходитъ бѣдность въ массѣ христіанской. Это озлобляетъ евреевъ, а въ довершеніе негодованія ихъ, нѣкоторые отдѣльные крестьяне уже начали дѣлать вторженіе въ заповѣдную евреями область дѣятельности — базарную торговлю, начали покупать и перепродавать — часто евреямъ же — разные предметы базарнаго торга, напр., зерно, скотъ.

Вслѣдствіе всего этого евреи начали отнестись съ чувствомъ злобы не только къ такимъ непрощеннымъ товарищамъ, но съ завистью и къ остальнымъ крестьянамъ. Не разъ случалось слышать со стороны евреевъ слѣдующія тирады: «Шчо жему мужику, гоіу? жему нічого не треба: хату маје, палево, хлѣбъ маје, маје світу, одѣжу, а теперь і гроші маје; ходитъ по базару, скупује жаловки, скот, альбо зерно и перепродаје їевреямъ; — зробився такіј важниі!» Подобныя слова сопровождаются разными бранными и презрительными эпитетами. Вслѣдствіе всей совокупности обстоятельствъ отношенія между крестьянами и евреями, какъ сказано, обострились. На базарахъ это выражалось самымъ нахальнымъ образомъ со стороны евреевъ; сплошь и рядомъ, въ случаѣ спора, евреи топило набрасывались и били мужика — и это посреди базара и окружающихъ возовъ крестьянъ; потому это имъ удавалось, что на каждомъ данномъ пунктѣ, по случаю солидарности, они всегда были сильнѣе крестьянъ.

линь. Когда являлась полиція, во образѣ ли станового, его помощника, или—въ послѣднее время—урядника, либо же когда къ ней обращались сами обиженные крестьяне, она становилась, по весьма понятнымъ причинамъ, всегда на сторону евреевъ. Не стану рассказывать фактовъ; ихъ можно привести сколько угодно; наконецъ, можно спросить любого крестьянина: каждый ихъ нихъ можетъ что либо рассказать;—мы же боимся удлинить подробности и безъ того длинный рассказъ. Въ довершеніе всего, нужда, да еще осложненная понятнымъ озлобленіемъ, доводила евреевъ прямо до грабежа на базарахъ, крайнее проявленіе котораго выражалось, напр., въ слѣдующихъ пзвѣстныхъ намъ случаяхъ. Крестьянъ привозить не въ базарный день $\frac{1}{2}$ конны кулей соломы на продажу; евреи обступаютъ возъ, вытягиваютъ кули для осмотра и разбѣгаются въ разные стороны: ошалѣлый крестьянинъ не знаетъ, куда броситься, и опасаясь, что его еще прибьютъ, какъ самъ намъ рассказывалъ, уѣзжаетъ домой безъ соломы и безъ денегъ. Разсчитывается, напр., крестьянинъ въ лавкѣ еврея, ему даютъ не полную сдачу; онъ считаетъ, заявляетъ, что не достаетъ, споритъ; его обступаютъ и бьютъ; онъ теряетъ и тѣ деньги, какія остались въ рукахъ. Крестьяне, рассказывая о такихъ случаяхъ, утверждаютъ, что теперь нельзя ходить въ одиночку въ мѣстечко, пужно ходить не иначе, какъ «гуртомъ». Такимъ образомъ дѣло дошло до погромовъ, и пужень былъ одинъ какой либо случай, чтобы движеніе распространилось всюду, ибо горячаго матеріала вездѣ было достаточно; причемъ крестьяне не могли разбирать бѣдныхъ и богатыхъ евреевъ, такъ какъ продѣлки, подобныя вышеуказаннымъ, совершались чаще бѣдными, нежели богатыми евреями. Какъ полиція поступала при такихъ продѣлкахъ, было уже сказано.

Разсматривая жизнь въ уѣздѣ и отношенія сословія, мы не можемъ ограничиться сказаннымъ и остановиться на одномъ изображеніи матеріальнаго положенія правительственныхъ агентствъ и послѣдствій, вытекающихъ только изъ естественнаго роста еврейскаго населенія и взаимодѣйствія этихъ условій; мы необходимо должны идти дальше, чтобы лучше уяснить отношенія сословія. Правда, что будничная жизнь большинства населенія юго-западнаго края, за немногими исключениями, почти исчерпывается отношеніями кореннаго населенія къ евреямъ, составляющему около 14% всего населенія, т. е. отношеніе 1:7; но даже и эти отношенія образовались подъ вліяніемъ также дѣйствія и крестьянскихъ учреждений, и судебныхъ; пужно также познаться, хотя и отчасти, и съ экономическимъ положеніемъ населенія, о чемъ мы уже мимоходомъ и говорили. Начнемъ съ крестьянскаго самоуправления.

Въ началѣ, при освобожденіи крестьянъ, оно велось патриархально, ибо устроилось при слабомъ вліяніи мѣстной административной власти, въ то время всецѣло занятой уставными грамотами, а послѣ, съ перемѣною польскаго состава мирозыхъ посред-

никовъ на русскій, повѣркою ихъ, послѣдствіемъ чего явился передѣлъ земель и выкупъ. Губернская власть и генералъ-губернаторская и всегда то имѣетъ мало вліянія на жизнь; внимательство же ея дѣйствительно бываетъ только вредно, а не полезно,—такъ какъ отличительная черта этой власти есть незнаніе народа и жизненныхъ условій—по вниманію и ея было поглощено поземельнымъ дѣломъ, а не устройствомъ самоуправления. Это невниманіе администраціи къ крестьянскому самоуправленію было благопріятно образованію послѣдняго, такъ сказать, на обычномъ правѣ. Волостной старшина маленькой волости, знавшій почти всѣхъ крестьянъ лично, какъ и они его знали, былъ настоящимъ хозяиномъ волости и даже судьей во всѣхъ дѣлахъ; такъ было на дѣлѣ, вопреки положенію 19 февраля. Волостной писарь, получая ничтожное жалованье, рѣдко превышавшее 100 руб., а иногда и съ нѣсколькими четвертями зерна въ придачу, имѣлъ самое ничтожное значеніе; писалъ обыкновенно мало. Все шло съ этой стороны тихо, мирно, безъ особенныхъ жалобъ; крестьяне были довольны, старшина былъ въ большинствѣ у нихъ уважаемъ и, въ случаѣ недовольства, отказывался отъ должности; примѣры отказовъ только по одному этому поводу бывали нерѣдки. Нѣкоторыя волости, впрочемъ, образовались подъ вліяніемъ мѣстныхъ помѣщиковъ, еще при прежнемъ составѣ посредниковъ; тамъ крестьянами были выбраны въ старшины бывшіе дворовые люди; они безусловно подчинили себѣ народъ и хотя правилъ тоже патриархально, но деспотически; болѣе ловкихъ изъ нихъ новый составъ мирозыхъ посредниковъ проглядѣлъ, они долго оставались въ должностяхъ и вступили въ союзъ съ помѣщиками, а потомъ и съ евреями, когда же вниманіе посредниковъ было освобождено отъ поземельныхъ дѣлъ, и они оглядѣлись, то уже было поздно, ибо наступила реакція. Судъ волостной происходилъ тогда не въ волости, а больше по селамъ; въ рѣшеніяхъ какъ суда, такъ и сельскихъ сходовъ совѣсть играла большую роль; редакцій рѣшеній не было, и въ книги онѣ не записывались; писарь поэтому и не имѣлъ на судъ вліянія, а старшина председательствовалъ въ судѣ. Этотъ порядокъ многимъ посредникамъ не нравился, по немногу онъ измѣнялся, т. е. собственно вѣвшая его сторона; сущность же оставалась та же, ибо нѣкоторые посредники оставляли дѣло въ первоначальномъ видѣ, вѣруя въ способность народа къ самоуправленію, а другіе потому, что было некогда этимъ заниматься; такимъ образомъ, вообще, крестьянскаго суда не насильовали. Рѣшенія суда приводились немедленно въ исполненіе, смотря, впрочемъ, по роду рѣшеній. Старшина, слѣдовательно, чисто въ духѣ народныхъ обычаевъ, являлся безапелляционнымъ судьей и администраторомъ, что не соответствовало положенію 19 февраля, къ которому приложила руки также и бюрократія и которое потому грѣшило излишнею регламентаціею, вслѣдствіе чиновническаго способа пониманія гарантій личности и собственности посредствомъ бюрократическихъ манипуляцій, при уничтоженіи

самыхъ естественныхъ гарантій, заключающихся въ нравахъ населенія.

Это предметъ, о которомъ можно много говорить, какъ за, такъ и противъ, но несомнѣнно, что онъ можетъ быть лучше разрѣшенъ на почвѣ народныхъ желаній и народныхъ понятій, нежели на установленныхъ нашими доктринерами началахъ; а бюрократія, и даже нашимъ ученымъ людямъ, знакомымъ лишь доктринамъ. Какъ бы то ни было, но частью по необходимости, а частью вслѣдствіе убѣжденій нѣкоторыхъ посредниковъ, самоуправленіе дѣйствовало по обычному праву, и хотя многіе и воображали, что они своими распоряженіями установили управленіе по Положенію, но это было не вѣрно: дѣло шло на основаніи обычной, а рядомъ съ этимъ писались рѣшенія, велась книга и прочее, и однако, къ огорченію нѣкоторыхъ изъ такихъ посредниковъ, иногда запаздывавшихъ ревизіею волости, книги за цѣлый годъ оказывались совершенно бѣлыми; конечно, мѣсяца въ два это упущеніе поправлялось собственнымъ сочиненіемъ писаря. Еще до войны, высшая администрація края начала обнаруживать стремленіе бюрократизировать крестьянскія учрежденія; но для этого необходимо было увеличить волости, чтобы, во 1-хъ, пайти средства для развитія писмоводства, а, во 2-хъ, поставить должностныхъ лицъ нѣсколько дальше отъ крестьянъ, характеръ сношеній съ которыми необходимо долженъ былъ измѣниться. Многіе изъ посредниковъ на сокращеніе волостей не соглашались, предвидя всѣ послѣдствія того, или, по крайней мѣрѣ, ухудшеніе качества самоуправления; другіе даже отстаивали право крестьянъ на распоряженіе запасными магазинами безъ вмѣшательства губернской власти, т. е. по-просту представляли сочиненныя вѣдомости, не препятствуя крестьянамъ разбирать хлѣбъ по своему усмотрѣнію и наблюдая лишь за своевременнымъ пополненіемъ магазиновъ.

Вообще до войны губернская власть дѣйствовала въ отношеніи непокорныхъ еще застѣнчиво, тѣмъ болѣе, что и въ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ нѣкоторые члены осмѣливались указывать губернаторамъ на нѣкоторыя статьи Положенія, не обижавшія крестьянъ къ предъявляемымъ имъ требованіямъ, напр., относительно писмоводства въ волостяхъ, можетъ быть, даже и по прочимъ предметамъ; были и опасенія встрѣтить противоѣдствіе и обличенія въ печати. Но годъ, слѣдовавшій послѣ войны, былъ рѣшительнымъ въ поворотѣ къ политической реакціи; посредниковъ-народниковъ или вообще людей болѣе самостоятельныхъ или уволили, или перевели туда, гдѣ волостное дѣло уже было устроено согласно желаніямъ губернской администраціи; за самовольное позапмствованіе крестьянами хлѣба изъ магазиновъ нѣкоторыхъ посредниковъ прямо отставили отъ службы; волости увеличили, что совершилось въ два пріема, — и вотъ волостной писарь является всесильнымъ, старшина ступенчается, дѣлается какъ бы его прикащикомъ, т. е. перестаетъ уже быть на дѣлѣ выборнымъ, громадскимъ человекомъ, хотя и избирается, а дѣ-

ластся подчиненным писарю чиновником. За то материальное положение старшины улучшается, хотя, конечно, не такъ, какъ положение писаря. Жалованіе писаря, законное и незаконное, достигаетъ 2 тыс. руб., следовательно, сдѣлалось выше содержанія посредника, если вспомнить приведенную выше таблицу. Должность старшины, упавшая по значенію и возвышенная по материальнымъ средствамъ, дѣлается столь привлекательною, что для получения ея пускается въ ходъ выборная агитація, которую берутъ въ свои руки, какъ и все другое, евреи, разселенные къ этому времени по селамъ. Последствиемъ этого является союзъ волостной власти съ евреями. Одновременно съ этимъ, губернская власть, давно переставшая уже освѣдомляться о дѣйствіяхъ полиціи у мировыхъ посредниковъ и председателей сѣздовъ, начала освѣдомляться о послѣднихъ у полиціи и поставила мировыя крестьянскія учрежденія, если не по праву, то на дѣлѣ, въ подчиненное полиціи положеніе; они окончательно теперь принижены. Были, правда, и прежде поношленія къ такому униженію, но они были не столь рѣшительны и вытекали не изъ системы, а изъ личныхъ неудовольствій къ кому либо. Такъ, напр., назначеніе исправникъ должностя предводителей дворянства, за отсутствіемъ предводителей, не мировые посредники, какъ указываютъ порядокъ, установленный въ сочиненіи и повелѣніемъ, а члены опеки, — учрежденія, у насъ имѣющаго назначеніемъ единственно грабить дѣтей помѣщиковъ. За тѣмъ, предѣлательство въ комиссіи по волостной повинности, за отсутствіемъ предводители дворянства, поручается не мировому посреднику, а исправнику. Надо полагать, это дѣлается для огражденія населенія отъ злоупотребленій (полицейскіе въ Россіи вѣдь такіе Арестиды!), если не для возвышенія полиціи надъ мировыми учрежденіями.

А самодержавіе то какъ себя воображаетъ всесильнымъ! Оно здѣсь безъ всякой застѣнчивости понирается погами даже губернаторомъ, ставящимъ высочайшее повелѣніе ни въ грошъ, какъ то показывается приведенный примѣръ. Что же послѣ этого говорить объ отношеніяхъ къ нему министровъ?

Соотвѣтственно съ представленною эволюціею крестьянскаго самоуправленія или по видоизмѣненію экономическаго положенія крестьянъ. Надѣлъ крестьянъ землею у насъ произвелъ всеобщій упадокъ помѣщичьихъ хозяйствъ, какъ и вездѣ въ Россіи; но положеніе помѣщиковъ у насъ было еще болѣе затруднено оставшимися въ разныхъ видахъ сервитутами, соображенными къ тому же съ исключительными выгодами крестьянъ *). При прежнемъ пользованіи ими, крестьяне были ограничены выгодами и волею помѣщика; власть его, несмотря даже на инвентари, часто уничтожала или измѣняла мѣсто сервитутовъ и всегда опредѣляла порядокъ пользованія ими. Послѣ эмансипаціи все это установилось на однихъ мѣстахъ разъ на всегда, а

*) Сервитутами въ западномъ краѣ и Польшѣ называется право крестьянъ на пользованіе угодами (деревомъ, травой и др.) въ земляхъ, собственности на которыя признается за помѣщиками.

способъ и порядокъ пользованія оставлены на волю крестьянъ. Положеніе это, расширивъ крестьянскія права по сервитутамъ, дозволило имъ увеличить число скота; въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ, посредники, собиравшіе свѣдѣнія, могли удостовѣрить увеличеніе числа скота у крестьянъ; объ этомъ говорилось въ то время и въ газетѣ «Кіевлянинъ». Сервитуты не давали возможности помѣщикамъ не только подвигаться впередъ въ устройствѣ сельскаго хозяйства, но во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ не было особахъ пастбищъ, такъ называемыхъ стеной или лѣсныхъ пастбищъ, помѣщики не могли даже держать достаточнаго числа собственнаго скота, ибо крестьяне, пасущіе свой скотъ къ тому же по почамъ и съ большимъ вниманіемъ, нежели пастухи помѣщиковъ, не оставляли травы для скота экономическаго. Въ началѣ, при недостаточномъ числѣ скота, заискиваніемъ и отъ другихъ причинъ, помѣщики отдавали внаемъ земли за 3-ью скибу, т. е. за 2 венаханныя для экономіи (помѣщика) десятины, одна отдавалась крестьянамъ, — въ то время крестьяне не хотѣли брать земли даже исполу, ибо за скибу пользоваться имъ землею было гораздо выгоднѣе. Сервитуты не только отнимали у помѣщиковъ всю свободу въ хозяйствѣ, но еще требовали значительнаго, дорогаго стоящаго надзора, чтобы не было потравъ. Это было вопросомъ, если не жизни и смерти помѣщичьихъ хозяйствъ, то по крайней мѣрѣ такое положеніе обрекало ихъ на ничтожную доходность имѣній. Когда уже помѣщичьи хозяйства стали по немногу оправляться до той степени, что была хоть возможность вести трехполье, съ самой первобытной обработкой земли, то вопросъ о разверстаніи угодій представалъ во всемъ своемъ угрожающемъ значеніи для будущаго помѣщичьихъ хозяйствъ. Между тѣмъ разверстаніе возможно было только по добровольному соглашенію, а крестьяне, руководимые имъ собственнымъ, такъ сказать, бытовымъ социализмомъ, ни за какія предлагаемыя имъ выгоды и уступку земель, даже до 10% всей пахотной земли помѣщика, не соглашались ни на какую сдѣлку. Большая часть мировыхъ посредниковъ, имѣвшихъ тогда и судебную власть, поддерживали права крестьянъ на сервитуты. Тогда продавалось много имѣній; въ крестьянскихъ обществахъ были образованы капиталы разными путями: посредствомъ зачисленія въ нихъ денегъ, полученныхъ отъ помѣщиковъ за проваздѣніе присужденными новымъ составомъ мировыхъ учрежденій въ пользу крестьянъ землями; во многихъ участкахъ образованы были общественныя запашки, и часть вырученныхъ суммъ или все суммы поступали также въ капиталъ. Нѣкоторые посредники имѣли въ виду обратить эти деньги на покупку обществами крестьянъ земель или даже цѣлыхъ имѣній и установить артельную ихъ эксплуатацію, или же, поселивъ въ нихъ безземельныхъ, устроить хозяйство на началахъ ассоціаціи. Хотя, что касается иνούщаго эти строки и нѣкоторыхъ другихъ, мы и не вѣрили предполагаемымъ успѣхамъ такой формы хозяйства, однако соглашались попытаться. Заторгованы были нѣкоторыя земли и велены

переговоры для покупки крестьянами одного большаго имѣнія въ нѣсколько тысячъ десятинъ; хлопотали даже о займѣ въ банкахъ. Дѣла эти не удалась, ибо высшая администрація смогула на нихъ косо и не оказала никакого содѣйствія для полученія права крестьянскими обществами совершать займы въ банкахъ подъ имѣнія. Дѣятельность посредниковъ въ то время была направлена преимущественно на экономическое дѣло крестьянъ въ вышеуказанномъ родѣ и на борьбу съ духовенствомъ за власть надъ школами. Многие посредники вѣдь мѣрли старались заводить министерскія школы и отнимать у духовенства средства на церковно-приходскія. Такія занятія посредниковъ высшей администраціи и крупнымъ, да и вѣдь помѣщикамъ, не нравились. Хотя администрація прямо не дѣлала никакихъ предостереженій, но сильно хмурилась и указывала на недостаточный порядокъ въ веденіи дѣлъ въ волостяхъ и, следовательно, на бездѣйствіе посредниковъ, игнорируя ихъ экономическую и просвѣтительную дѣятельность и устранивъ въ то же время немногую пезависимыхъ по характеру людей, а особенно иνούщихъ.

Тѣмъ временемъ помѣщики, осмотрѣвшись, начали фактически уничтожать сервитуты: кто вырубалъ лѣсъ, въ которомъ крестьяне имѣли право пастбища, и въ молодой лѣсъ уже не пускали крестьянскаго скота, прилагая къ этому строгаго законы о казенныхъ лѣсахъ, кто началъ раньше венахивать землю на паръ и тѣмъ уничтожалъ общую толоку, другіе измѣнили сѣвооборотъ и этили или уничтожили, или ограничили толоку, иные дѣйствовали и другими способами, а нѣкоторые такъ прямо уничтожали общую толоку подъ разными предлогами. Это началось съ того времени, когда немногую губернаторы и генералъ-губернаторы начали освобождать мировыя учрежденія отъ вредныхъ людей; наконецъ, дѣло пошло въ этомъ направленіи еще рѣшительнѣе, когда наступила реакція послѣ войны, и почти все независимые люди были удалены. Къ этому времени хозяйства помѣщиковъ и положеніе ихъ улучшается, земли дорожаютъ, крупныя сахарозаводскія хозяйства развиваются и улучшаютъ производство, вводятъ подходящія обстоятельства и мѣстности системы хозяйства, требуютъ множество рабочихъ рукъ; при этомъ возвышается и заработная плата, впадка за скибу почти уничтожается; а прежде этого времени появилось и неполное хозяйство на нѣкоторой части земель помѣщиковъ, менѣе выгодное, какъ выше сказано, нежели за скибу; все большее и большее число крестьянъ переходитъ изъ состоянія хозяина въ положеніе батрака, а вмѣстѣ съ этимъ появляется и упадокъ крестьянскихъ хозяйствъ, выразившійся въ значительномъ уменьшеніи числа не только крупнаго, но даже и средняго скота, какъ засвидѣтельствовано отчасти официально, а отчасти въ чьей то статьѣ помѣщенной въ трудахъ «Кіевскаго общества сельскаго хозяйства» за мартъ мѣсяцъ иνούшняго года. Изъ этой статьи видно, напр., что число овецъ у крестьянъ упало съ 1.200.000 единицъ до 900.000. Въ это же время крестьяне, смекнувши, что ожидать

передѣла помѣщичьихъ земель имъ нечего, образумились и, видя, что арендные цѣны и цѣны на земли поднялись, начали покупать землю, каждый отдѣльно, по 2, по 3, и 10 десятинъ, смотря по средствамъ. Въ Каневскомъ уѣздѣ цѣна за десятину въ разсрочку на 10 лѣтъ дошла до 700 р., а наличными сразу до 400 р.; въ другихъ мѣстахъ покупки совершаются по 120, 140 и 200 р., какъ намъ извѣстно. Таковы въ экономическомъ отношеніи результаты политической реакціи, ставшей, въ концѣ, по крайней мѣрѣ, край рѣшительною уже послѣ войны.

Въ подтвержденіе нашего общаго очерка, конечно, требовалась бы указанія на лицъ и мѣста, т. е. конкретные факты. Личное положеніе автора ставить пошлыми препятствія такимъ указаніямъ, хотя фактовъ имѣется у насъ въ изобиліи. Кой какія указанія проскакивали, впрочемъ, и въ газетныя корреспонденціи,—хотя корреспонденты обыкновенно разсказываютъ отдѣльные выхваченные факты, безъ всякаго отношенія къ цѣлому. Да, впрочемъ, иначе царская цензура и не позволила бы писать, даже въ самыя либеральныя свои мгновенія.

Слѣдуетъ теперь обратиться къ суду, по статьѣ вышла и безъ того длинной, а потому я ограничусь всѣмъ извѣстнымъ указаніемъ на незнаніе не только крестьянами, но и образованными людьми судебныхъ уставовъ, а между тѣмъ для уснѣховъ въ судѣ нужно не только знаніе самыхъ уставовъ, но и, какъ во всякомъ дѣлѣ, пужна практика, извѣстная изворотливость и тонкость въ комбинаціяхъ, независимо даже отъ софизмовъ, которыми направляютъ умъ и совѣсть людей къ тѣмъ или инымъ заключеніямъ. Судъ нашъ такъ сложенъ и такъ устроенъ, что безъ этихъ условій — за исключеніемъ, можетъ быть, въ мировомъ судѣ, но только, впрочемъ, за недостаткомъ краснорѣчивыхъ софистовъ—выпрыгнуть дѣлъ не возможно. Этими условіями обладаютъ, какъ извѣстно, адвокаты и большая часть евреевъ; имъ принадлежатъ и пальмовая вѣтвь, а остальнымъ, не исключая и самихъ судей, полное разочарованіе въ убѣжденіи, что мы имѣемъ судъ правый, скорый и милостивый. Объ этомъ въ другой разъ, а теперь достаточно засвидѣтельствовать, что для евреевъ судъ есть значительное орудіе въ ихъ борьбѣ съ населеніемъ.

И такъ, что же мы видимъ? Евреи разселились по селамъ и имѣютъ вездѣ какъ бы конторы всякихъ дѣлъ; находясь въ союзѣ съ волостною и сельскою властью, они въ силу всего сказаннаго находятся также въ союзѣ съ полиціей, подчинили себя разными путями и другія учрежденія, не исключая и суда, хотя для торжества въ судѣ обладаютъ и сами по себѣ значительнымъ оружіемъ; всѣ неблагоприятныя для себя спеціальныя законы они устранили. Такимъ образомъ они обладаютъ властью, дорованною имъ самимъ правительствомъ, посредствомъ цѣлесообразно съ ихъ интересами устроеннаго управленія, и сверхъ того обладаютъ солидарностью, сокрушающею деньгами всякія препятствія, исходящая свыше, а ниже попирающею поганымъ населеніемъ. Они могутъ, за малыми исключениями, сказать: все имущество народа при-

надлежитъ намъ, мы отдаемъ его лишь въ пользованіе, чтобы оно доставляло намъ доходъ. Чтобы оправдать это послѣднее слово нужно бы было разсказать больше, напр., о мѣропріятіяхъ, хазукахъ и пр., которые напрасно евреи отрицаютъ. Но чтобы не вносить въ изложеніе чувствъ національнаго раздѣленія, можемъ удовольствоваться выше изложеннымъ, которое неизбежно приводитъ къ заключенію, что описанному положенію вещей виною въ значительной мѣрѣ и само правительство. Поэтому то, приписывая ему погромы, конечно, не всецѣло, мы отдаемъ должную дань и всей его политикѣ; что касается экономическихъ отношеній, то они всецѣло зависятъ отъ переменъ, происшедшихъ въ политикѣ правительства. Сдѣлаемъ сопоставленіе положенія до реакціи и послѣ нея. Общій характеръ его до реакціи можетъ быть выраженъ слѣдующими чертами или признаками:

1) Преобладаніе власти мировыхъ учреждений надъ всѣми другими въ уѣздѣ. 2) Сравнительно либеральное хотя и обрусительное настроеніе этихъ учреждений съ социалистическимъ оттѣнкомъ. 3) Обѣдѣніе помѣщиковъ. 4) Развитіе благосостоянія крестьянъ, зависящее въ значительной мѣрѣ отъ сервитутовъ и выросшее въ увеличеніи числа скота, въ работѣ у помѣщиковъ за скибу, затѣмъ въ жатвѣ исключительно за снопы, не менѣе 5-го и 6-го, и въ сѣнокосѣ за 2-ую копену. 5) Образование общественныхъ капиталовъ и общественныхъ запасекъ, стремленіе къ покупкѣ обществами крестьянъ земель, цѣлыхъ имѣній; намѣренія произвести опыты хозяйства артелями и ассоціаціями. 6) Цѣлесообразное развитіе самоуправленія крестьянскаго на основаніи обычнаго права. 7) Ожиданіе передѣловъ помѣщичьихъ земель и вслѣдствіе сего отсутствіе покупокъ земель отдѣльными крестьянами.

Послѣ войны замѣчается въ уѣздной жизни слѣдующее:

1) Преобладаніе власти полиціи, удаленіе со сцены прежнихъ мировыхъ дѣятелей и приниженіе крестьянскихъ мировыхъ учреждений. 2) Улучшеніе среднихъ помѣщичьихъ хозяйствъ и развитіе крупныхъ. 3) Увеличеніе денежныхъ заработковъ на помѣщичьихъ земляхъ, уничтоженіе работъ за скибу, сокращеніе жатвы за снопы, или уменьшеніе снопа до 8, 9 и 10-го, а спятіе сѣнокоса уже за 3-ью и 4-ую копену. 4) Фактическое уничтоженіе большей части сервитутовъ. 5) Увеличеніе числа батраковъ. 6) Уменьшеніе числа скота у крестьянъ. 7) Очновинченіе крестьянскаго самоуправленія, причемъ волостной писарь, вспомошествоваемый полиціей, является всемогущимъ агентомъ петербургскаго царизма и еврейской эксплуатаціи. 8) Чудовищное возростаніе ренты съ земли и покушалая горячка въ приобрѣтеніи отдѣльными крестьянами земель. 9) Прекращеніе общественныхъ запасекъ и растрата общественныхъ капиталовъ, которые и собрать уже невозможно.

Р. Ф.

Отъ редакціи. Приносимъ благодарность Р. Ф. за его очеркъ, мы желали бы получить подобныя и изъ другихъ краевъ. Съ необходимыми различіями, положеніе дѣлъ должно быть вездѣ одинаково. Если въ югозападномъ краѣ полицейское

направленіе правительства организовало силу жизни, то въ коренныхъ губерніяхъ оно должно было организовать силу кулака. Какое поученіе для тѣхъ народниковъ въ русской печати, которые опасаются либерализма какъ торжества буржуазіи!

СУЩНОСТЬ АНТИСЕМИТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

(Прибавленіе къ отчету объ антисемитическомъ международномъ конгрессѣ).

Антисемитическое движеніе, какъ всякое значительное и обширное явленіе, не есть ничто случайное, произвольное, а составляетъ естественное послѣдствіе ряда явленій, необходимый результатъ исторически сложившихся условій, нераздѣльную часть общаго движенія нашего времени. На первый взглядъ кажущееся направленнымъ противъ однихъ евреевъ, оно отнюдь не ограничивается борьбою съ этимъ племенемъ, а содержитъ въ себѣ протестъ противъ всего, что нынѣ представляютъ евреи, противъ всѣхъ элементовъ, съ которыми они находятся въ связи, противъ цѣлаго направленія, во главѣ котораго они стоятъ.

Настоящее антисемитическое движеніе можно лучше всего сравнить съ антиезунтскимъ прошлаго вѣка. Иезуиты были передовою дружиною реакціи противъ освободительнаго движенія эпохи возрожденія; они стремились къ возстановленію, въ обновленномъ и укрѣпленномъ видѣ, стараго строя; противъ нихъ должны были быть направлены удары всѣхъ тѣхъ, которые желали окончательнаго разрушенія стараго и упроченія возникавшаго новаго строя. Иезуиты пали въ этой борьбѣ, и, хотя въ наше время они опять достигли руководства въ католической церкви и вліянія въ католическомъ обществѣ, по значенію ихъ уже совсѣмъ не то, какимъ оно было до паденія: нынѣ, они составляютъ только самый стройный изъ элементовъ, задерживающихъ, но не останавливающихъ дальнѣйшее развитіе либеральныхъ началъ.

Побѣдившій иезуитовъ, а съ ними и весь клерикально-аристократическій строй въ западной Европѣ, либерализмъ далъ во многихъ отношеніяхъ блестящіе плоды, отъ которыхъ человечеству трудно будетъ отказаться; свобода движенія мысли, личная самостоятельность и предприимчивость никогда не достигали той степени развитія, какою онѣ пользуются нынѣ. Но плоды эти преимущественно отрицательнаго характера; разрушая устарѣлую политическую и социально-экономическую организацію, либерализмъ не создаетъ новой: онъ освобождаетъ личность, но не обезпечиваетъ ея существованія. Преобразовавшееся подъ вліяніемъ началъ либерализма, европейское общество второй половины XIX вѣка утратило почти всѣ связи, скрѣплявшія его внутри, и держится соединяемое только вѣншиимъ образомъ. Послѣдовательное развитіе главнаго принципа либерализма, laissez faire, ведетъ на практикѣ къ накопленію крупныхъ движимыхъ богатствъ и къ сосредоточенію ихъ въ рукахъ немногихъ, которые—благодаря атомизированному состоянію общества и отсутствію непосредственной связи между частными интересами и общественными—становятся самою могущественною на-

шого времени силою. Обладатели этих богатств, капиталисты в собственном смысле, составляют уже повсюду в Западной Европе—больше или меньше явно—настоящий господствующий класс, в интересах которого действуют законы и ведется управление, который владеет так называемыми органами общественного мнения и держит у себя в зависимости литературные силы и политические таланты страны. Господство над современным обществом крупной капитала так несомненно, что оно несколько оправдывает выражение «капиталистический строй», хотя состояние современного общества заслуживает меньше названия строя, нежели разстройства.

Вообще говоря, члены этого господствующего слоя не связаны между собою ни родовыми привилегиями, ни политическими убеждениями, ни даже принадлежностью к той или другой стране; в него может вступить каждый, кто достиг как бы то ни было, случаем, игрою или преступлением, известного капитала, хотя бы капитал этот был даже мнимый: капиталистов соединяет один общий интерес—эксплуатация остальных меньше имущих и всех трудящихся слоев общества.

Капиталисты выходят преимущественно из торговых и промышленных слоев; но и каждый, к какой бы профессии он ни принадлежал и каковы ни были его занятия, может пытаться счастья в денежной или фондовой спекуляции и пролагать этим себе путь не к богатству только, но и к общественному и политическому положению, которое оно теперь обуславливает. Это широкое демократическое основание капиталистического господства и многочисленные связи с самыми различными общественными слоями объясняют, почему его переносят современные народы и каким образом оно находит себе столько защитников.

Положение изменяется, когда капиталисты становятся исключительными, когда крупнейшие или сильнейшие из них вступают между собою в тесные союзы с целью присвоения себе главных орудий эксплуатации и обращения в свою пользу тех выгод, которые обыкновенно делятся между всеми членами капиталистического слоя. Такие «круги» (rings) нередко встречаются в Соединенных Штатах и, посредством коррупции, целые года эксплуатируют, как какую нибудь ферму, большие города и целые Штаты. Но господство простых коммерческих ассоциаций, члены которых ничем не связаны между собою, кроме временного интереса, и ничем другим не отделены от остального населения, не может быть продолжительным. Эти плутократии необходимо падают от дружного напора всех остальных капиталистов и некапиталистов, или же от разлада в собственной среде из-за трудно устанавливаемого раздела барышей.

Совсем иное было бы, если бы не только «круги», но и весь капиталистический слой состоял из людей, связанных между собою им общим особым происхождением, особым историческим прошлым, особою религиею, особыми законами, правами и обы-

чаями, особым народным характером, особыми преданиями, стремлениями и упованиями. Это не пустая гипотеза. За много веков до установления капитализма, существовало уже племя с чрезвычайно резкими национальными и религиозными особенностями, осужденное историческими обстоятельствами на исключительный род занятий, который был воспринят всеми народами, среди которых оно находило себя убежище. Предки настоящих европейцев взросли, таким образом, посредством исторического подбора, особую паразитную расу, которой—единственное средство к существованию эксплуатация и единственное орудие защиты—коррупция.

С течением времени выгоды, происшедшие от такого привилегированного, хотя и униженного положения евреев, стали слишком очевидны, чтобы ими не захотели воспользоваться и христианские народы Западной Европы. Один за другим, они учились у евреев различным видам их специальных занятий, хотя и не посвящали им себя исключительно. Последовавшая за торжеством либерализма в большей части государств Европы, эмансипация евреев была столько же актом политической последовательности относительно принципов либерализма, как и справедливости в отношении к евреям: последние были не только учителями западно-европейских народов в банковых и биржевых операциях, финансовых и торговых оборотах, спекуляции и гешефтмахерстве, но и не мало содействовали своею непрерывною агитациею против налагаемого на них стеснения старого общественного строя победой поваго либерально-капиталистического.*)

Но, если и до эмансипации тесная связь еврейских ассоциаций в каждой местности и каждой стране и солидарность всех их между собою, равно как и успешные передачи из рода в род наследственные способности позволяли им успешно конкурировать в торговой и финансовой деятельности с полноправными членами господствующих народностей, то, по уравнению в правах евреев с неевреями, шансы их взаимной конкуренции сдвинулись совершенно неравными к невыгодѣ последних. Крупные ассоциации между эксплуататорами неевреев, подобно американским «кругам», редки и непрочны; между евреями они имеют за собою 2000 лет существования и обнимают несколько миллионов народа. Даже больше—весь еврейский народ составляет освященную временем и религией, единственную, хотя и выставляющую различные формы, коммерческую и финансовую, банковую и кредитную ассоциацию, руководствующуюся особыми юридическими и нравственными правилами и управляемую особыми местными и центральными органами.

Только тридцать с небольшим лет прошло с их эмансипации в Средней Европе,

*) Не лишним считаем напомнить, что евреи оказали существенную услугу культурному либерализму, т. е. всему обществу в Европе, помогая сокрушению клерикализма, о котором отчасти говорить автор выше. Это обстоятельство нельзя упускать из виду при оценке мотивов антисемитич. движ. в Западной Европе. (Ред.)

—евреи были признаны полноправными гражданами в Пруссии, Австрии, Венгрии в 1848 г., в мелких германских государствах позднее, напр., в Гессене и в Саксонии только в 1867 г. — а теперь уже идет речь об эмансипации населения этих стран от евреев.

Капиталисты неевреи оказались неспособными при равных правах выдерживать конкуренцию с евреями; как бы богаты, влиятельны, искусны ни были отдельные капиталисты или группы их, они всегда слабее целого солидарного между собою еврейства. В Германии большинство капиталистов евреи и им принадлежит несравненно большее количество капиталов; в Австрии—капиталисты неевреи весьма редки; в Венгрии их уже нет. (Мы постоянно различаем Австрию и Венгрию: относительно законов и учреждений, экономических условий и народного быта—это два совершенно различных государства: собственно Австрия даже более сходна с Германией, нежели с Венгрией, только по отношению к другим европейским государствам они составляют одну Австро-Венгерскую монархию).

Такое преобладание евреев среди господствующего капиталистического слоя давно бы вызвало энергическое противодействие со стороны старой аристократии и буржуазии, правительства и общественного мнения, если бы евреи не сумели заранее нейтрализовать все эти элементы заинтересованности в своем господстве или постановлении их от себя в зависимость. Несмотря на то, что шансы участия в барышах спекуляции и биржи прогрессивно уменьшаются для неевреев, все капиталисты и вся высшая буржуазия в Германии и Австрии стоят на стороне евреев; связанные с ним участием во множестве предприятий, неевреи знают, что в случае разрыва, они бы потеряли возможность увеличения или даже сохранения своего богатства. Члены аристократии и правительственные лица—и часто наиболее выдающиеся между ними—нуждаются в кредите евреев, или находятся у них в неоплатном долгу, или же живут за счет евреев, пользуются выгодными ссудами, раздаваемыми евреями в различных предприятиях, которые они не перестают основывать. Интеллигенция немецкая в Германии и Австрии фактически еврейская (verjudet); за весьма немногими и незначительными исключениями, вся ежедневная и периодическая печать принадлежит евреям или состоит от них в прямой зависимости. В начале противоеврейского движения ни одна газета или журнал не соглашался поместить ни одной статьи, ни даже известия—не только враждебного, но хотя бы неблагоприятного евреям; авторы-антисемиты с трудом даже находили издателей для своих брошюр, которые они большею частью издавали на свой счет, причем иногда даже типографы отказывались их печатать. Только в 1879 году, через 20 лет после первой антисемитской брошюры Вагнера, под псевдонимом «Freigedank», напечатанной в 1859 г., могла быть основана первая антисемитская газета в Германии «Deutsche Reform». В продолжении 20 лет газеты

не обмолвились словом о литературном и общественном движении глубокого и интенсивного характера, — еврейская цензура сняла с них печать молчания только тогда, когда движение перешло на улицу, и в 1879 г. европейская публика узнала вдруг об антисемитических беспорядках и антисемитическом движении.

Но не одну прессу и отчасти литературу забрали в свои руки евреи; влияние их распространилось на все так называемые либеральные карьеры. Со времени эмансипации, они наводяют собою медицину, профессию и адвокатуру, суды и администрацию, а через это становятся во главе всего среднего сословия и делают его политическими руководителями. Еще до эмансипации участвовавшие, как союзники либеральной буржуазии, в борьбе ее против аристократии и консервативных правительств, евреи в Германии делятся между национально-либеральной и прогрессивной партией, главные вожди которых принадлежат их племени и религии; в Австрии, они идут вместе с либеральной немецкой партией, в Венгрии с либеральной мадьярской. Впрочем, это несколько не исключает принадлежности отдельных евреев к другим партиям, даже в качестве вождей оных. Главным ученым авторитетом прусских феодалов, возведшим в теорию их притязания, был никто иной, как крещеный еврей — Шталь (Stahl); вообще аристократия Пруссии слишком связана с еврейскими банками долгами, у них заключенными, или же браками с их дочерьми и сестрами, чтобы иметь возможность выступить с энергией против злых еврейской эксплуатации. Но, с другой стороны, евреи проникли и в социально-демократическую партию и также захватили в ней руководство; имена Лассалы и Маркса слишком известны, чтобы нужно было распространяться о влиянии их на рабочие классы не только немецких земель, но и всей Европы. Германских социал-демократов, как партию, конечно, нельзя заподозрить в сочувствии к эксплуатации, которой они, напротив, объявили решительную войну; в среде самой партии, и тем более, чем дальше от ее руководящих кругов, слышится, однако, голоса, упрекающие последних, особенно же их парламентских вождей, в излишнем занятии политикой и в недостаточной преданности интересам рабочих. Действительно, некоторые из этих избранных пролетариев идут рука об руку с прогрессистами, представителями буржуазии; факт, что те и другие евреи, заставляет многих невольно думать, что у них есть общие интересы, независимо от интересов их избирателей.

Но еще более, чем присутствие их единоплеменников во главе самых различных политических партий Германии, имело для евреев значение союз с объединителем этой страны. Руководимые своим влиятельным инстинктом, побуждающим их становиться всегда на сторону сильного, евреи рано отгадали значение Бисмарка и стали его пламенными приверженцами; много услуг всякого рода оказали они ему в его величайшей политике, особенно против Франции, а

взамен этого, в начале 70-х годов, они им почти предоставили внутреннюю политику Германии. Хитрейший из политиков жестоко обманулся, воображая, что германские евреи могут или желают ассимилироваться с немецким народом; они только ассимилировались, т. е. присвоили себе, большую часть французских миллиардов и воспользовались порою эфемерного процветания для развития спекуляций и пускания в оборот бездны фиктивных ценностей, за которыми последовало действительное разорение. Только когда Бисмарк увидел, что «Германия рискует обратиться в Палестину без пальм», то он, повидимому, охладил к своим союзникам. Но положение занятое ими в Германии и вообще в Европе, уже сказалось так могущественно, что и сам Бисмарк не решился идти с ними на полный разрыв. С 1879 г. заметно только, что берлинские правительственные круги неблагоприятно относятся к берлинской бирже, до тех пор ими так сильно покровительствуемой; говорят даже о мерах против ее злоупотреблений. С другой стороны, антисемитические речи или проповеди Штёккера как будто пользуются одобрением императора Вильгельма, и Штёккер иногда инсинуирует, что его стремлением сочувствует сам железный канцлер. Конечно, не такими гомеопатическими приемами будет сломлена мощь еврейства, и следует скорее думать, что Бисмарк еще не принял окончательно решения по этому вопросу.

Преобладание евреев в национально-либеральной партии, составлявшей с 1867 по 1879 г. правительственное большинство в германском парламенте, позволило им провести целый ряд законов, как свобода передвижения (Freizügigkeit), свобода взимания процентов (Zinsfreiheit), вообще свобода коммерческих и финансовых операций (Geschäftsfreiheit), положение об опеке и т. д. которые, освобождая вообще деятельность капиталистов от всяких ограничений или даже надзора со стороны государства, стали на деле истинными монополиями еврейства. Эта тенденция особенно заметна в усилиях, не успевших еще увенчаться успехом, упразднить такие государственные учреждения, закладные и ссудные банки (öffentliche Leihhäuser) и даже государственный банк, которые делают конкуренцию евреям в их специальных занятиях.

Как ни плачевны были последствия конкуренции, если не внесенной одними евреями, то несомненно ими развитой и увеличенной, во всех отраслях коммерческой, общественной и государственной жизни новой германской империи, но всего гибельнее было водворение евреев между сельским населением и быстрое утверждение над ним не только в восточной, но и во многих частях средней и западной Германии полнейшего еврейского господства.

Положение евреев в Германии, этом центре Европы, среднее между положением их в Европе восточной и западной. Чем дальше на восток, тем многочисленнее и могущественнее евреи: они еще более господствуют в Австрии, чем в Германии,

в Венгрии, чем в Австрии. К западу от Германии, напротив, влияние евреев становится почти незаметным и многие отрицают там самое существование еврейского вопроса. Они забывают, что западная и югозападная Европа были жилищем евреев прежде их появления в средней и восточной; народные реакции и правительственные меры принудили массы евреев к передвижению на восток, сначала в Германию, а потом в Польшу; с падения польского государства начинается движение евреев в обратную сторону — на запад: большая часть нынешних германских евреев происходит из Польши, а французских и английских из Германии. Французы и англичане, так щегаляющие ныне своею терпимостью относительно евреев, слишком склонны забывать, что в прежние века они были к ним нетерпимее всех других народов и что эта нетерпимость возросла с развитием во Франции и в Англии духа торговой и финансовой предприимчивости. Развитие национальной предприимчивости, встречая в евреях опасных конкурентов, должно было вызвать в них народные движения, как и меры правительства. Оставшиеся во Франции и в Англии, евреи продолжали способствовать в этих странах успеху возникновения капитализма; ныне же они занимают там вновь весьма значительное положение в высших финансовых, общественных и политических сферах. При всяком случае, правительства Англии и Франции являются защитниками не только своих подданных евреев, но и еврейских интересов вообще; в Париже, наконец, существует всемирное еврейское правительство, правительство, покровительствующее промышленности евреев на всем земном шаре и защищающее их от сопротивления других народов. В самой Франции, как и в Англии, влияние евреев было до последнего времени заметно преимущественно в высшей финансовой и торговой сферах; теперь оно начинает проявляться и в политике; с возрастанием же еврейского населения, особенно вследствие эмиграции из Германии и отчасти из России, во многих западных державах должен необходимо выйти наружу тот же еврейский вопрос, который уже имел там в прежние времена самый острый характер.

Ш—ть.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ.

(Продолжение)

«Человек всегда старается удовлетворить свои потребности ценою возможно наименьшего усилия». В области экономических явлений закон этот, по мнению Г. Джорджа, играет ту же роль, как закон всемирного тяготения в науках физических. При прочих равных условиях, средний человек не согласится работать на работодателя за меньшее вознаграждение, чем то, которое он может получить, работая для самого себя, и он не станет работать для себя, если получит за это меньше, чем получил бы, работая на работодателя.

Земледѣліе и вообще добывающія промышленности составляютъ, очевидно, основаніе всѣхъ остальныхъ отраслей производства. Поэтому законъ заработной платы въ добывающей промышленности долженъ быть и общимъ закономъ заработной платы для всѣхъ видовъ производства. А такъ какъ заработная плата тутъ опредѣляется тѣмъ, что трудъ можетъ приобрести при наилучшихъ природныхъ условіяхъ производства, то заработная плата должна всегда зависѣть отъ предѣловъ воздѣлыванія земли или — обобщая еще болѣе — отъ предѣловъ промышленности, т. е. отъ продукта, который трудъ можетъ получить при наилучшихъ природныхъ условіяхъ производства, доступныхъ для него безъ платежа ренты.

Такимъ образомъ, мы можемъ привести законы ренты, заработной платы и процентовъ къ одному знаменателю, выразивши ихъ по отношенію къ предѣламъ земледѣлія, и получимъ тогда слѣдующее:

Обычныя формулы законовъ ренты, заработной платы и процентовъ.

Рента зависитъ отъ предѣловъ земледѣлія, увеличиваясь, когда они расширяются, и уменьшаясь, когда они суживаются.

Зарботная плата зависитъ отъ отношенія между числомъ рабочихъ и суммою капитала, предназначеннаго для ихъ содержанія.

Проценты опредѣляются равновѣснующей силой и предложенія или зависятъ отъ барышей, получаемыхъ съ заработной платы; они увеличиваются при уменьшеніи заработной платы и уменьшаются при увеличеніи ея.

Формулы Г. Джорджа.

То же самое.

Зарботная плата зависитъ отъ предѣловъ земледѣлія, уменьшаясь, когда они расширяются, и увеличиваясь, когда они суживаются.

Проценты зависятъ отъ предѣловъ земледѣлія, уменьшаясь, когда они расширяются, и увеличиваясь, когда они суживаются.

Сравнивъ обѣ половины таблицы, убѣждаемся, говоритъ Г. Дж., что законы ренты, заработной платы и процентовъ въ обычной своей формулировкѣ противорѣчатъ другъ другу, между тѣмъ какъ въ формулировкѣ Г. Джорджа они воплотѣ гармонизируютъ другъ съ другомъ, и каждый изъ нихъ составляетъ часть одного и того же цѣлаго.

Гдѣ земля свободна, а трудъ обходится безъ содѣйствія капитала — тамъ весь продуктъ идетъ труду въ видѣ заработной платы.

Гдѣ земля свободна, но капиталъ помогаетъ труду въ производствѣ, тамъ заработная плата будетъ состоять изъ всего продукта, безъ той части его, которая необходима для накопленія труда въ формѣ капитала.

Гдѣ земля захвачена въ частную собственность и существуетъ рента, тамъ заработная плата опредѣляется вознагражденіемъ труда при наилучшихъ условіяхъ производства, доступныхъ безъ платежа ренты.

Гдѣ природныя ресурсы всѣ монополизированы, тамъ заработная плата производится до минимума конкуренціей рабочихъ.

Этотъ минимумъ («естественная заработная плата» Смита и Рикардо) самъ собой заключается въ законѣ заработной платы, сформулированномъ Г. Джорджемъ, ибо разширеніе производства, очевидно, ограничивается тѣмъ предѣломъ, когда на долю заработной платы приходится минимумъ, при которомъ рабочіе могутъ существовать.

Опредѣливъ законы ренты, заработной платы и процентовъ, посмотримъ теперь, какое вліяніе матеріальный прогрессъ оказываетъ на распредѣленіе богатствъ. Матеріальный прогрессъ дѣйствуетъ главнымъ образомъ тремя факторами: увеличеніемъ густоты населенія, усовершенствованіемъ техники производства и обмѣна — и распространеніемъ образованія, улучшеніемъ правовъ, обычаевъ и системы государственнаго управленія. Начнемъ съ населенія и — опустивши длинныя разсужденія Г. Джорджа, которыя въ значительной мѣрѣ являются повтореніемъ на разные лады уже прежде имъ сказаннаго — перейдемъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ авторъ, съ компетентностью очевидца, описываетъ зарожденіе и быстрый ростъ города въ Америкѣ.

Представимъ себѣ то безпредѣльное море травъ и цвѣтовъ, надѣдающее подъ концъ пугинку своимъ роскошнымъ однообразіемъ, которое называется дѣвственною саванной. Вотъ приближается фура перваго эмигранта. Такъ великъ *embarras de richesse*, что эмигрантъ долго не знаетъ, гдѣ ему поселиться: почва всюду одинаково хороша и удобна. Наконецъ онъ выбираетъ себѣ мѣсто и начинаетъ строить жилище. Земля дѣвственна и плодородна, дичи много, рѣчки кишатъ превосходной рыбой. У поселенца есть все, что въ густо-заселенной мѣстности сдѣлало бы его богатымъ; но здѣсь онъ бѣденъ. Ему приходится работать при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ одиночества. Онъ долженъ быть собственнымъ своимъ слесаремъ, кузнецомъ, колеснымъ мастеромъ, столяромъ и пр., словомъ, долженъ все дѣлать по немногу, слѣдовательно, не можетъ ничего дѣлать хорошо. Онъ не въ состояніи обучать своихъ дѣтей — для этого ему пришлось бы нанимать и содержать учителя. Онъ принужденъ закупать въ большомъ количествѣ предметы, которые самъ онъ не можетъ производить, или онъ долженъ какъ нибудь обходиться безъ нихъ: нельзя же ему во всякое время отрываться отъ работы, чтобъ предпринять далекое путешествіе къ границамъ цивилизованнаго міра. Когда же къ этому его принуждаютъ обстоятельства, то какая нибудь стеклянка лекарства или новый буравъ обходится ему нѣсколько дней времени и тяжелой работы. При такихъ условіяхъ, не смотря на богатство окружающей природы, человѣкъ остается бѣденъ. Ему легко добыть себѣ достаточное количество пищи, но, видъ пропитанія, трудъ его можетъ удовлетворить только самымъ насущнымъ потребностямъ и то въ грубой, первобытной формѣ.

Приѣзжаетъ второй эмигрантъ. И теперь почва всюду одинаково хороша, но новый колонистъ уже не затрудняется выборомъ. Есть такое мѣсто, которое для него очевидно по лучше всѣхъ остальныхъ — то, гдѣ у него будетъ сосѣдь. Онъ устраивается по близости перваго поселенца, вслѣдствіе чего положеніе послѣдняго сразу же улучшается: два человѣка способны на то, чего одинъ человѣкъ рѣшительно не въ состояніи сдѣлать.

Является третій эмигрантъ и, руководимый все тѣми же соображеніями, селится тамъ, гдѣ уже живутъ двое колонистовъ. Еще и еще прибываютъ поселенцы. Около нашего перваго пришельца скоро образуется цѣлый кружокъ сосѣдей. Трудъ приобрѣлъ теперь

силу и производительность, которыхъ онъ былъ лишенъ при жизни въ одиночествѣ. Поселенцы нанимаютъ въ складчину школьнаго учителя. Предпримчивый торговецъ открываетъ въ возникающемъ поселеніи лавочку, гдѣ можно покупать самые необходимые предметы; является кузнецъ и колесникъ, въ мастерскихъ которыхъ чинятся земледѣльческія орудія за сравнительно дешевую цѣну и съ меньшей затратой времени, чѣмъ прежде, когда приходилось, бывало, ѣздить за этимъ въ городъ. Скоро организуется почтовое бюро, устанавливающее правильныя сообщенія молодой колоніи съ окружающимъ міромъ, приѣзжаютъ столары, шорники и другіе ремесленники, наконецъ, появляется врачъ. Сила симпатій, инстинктъ товарищества и соревнованія разширяютъ кругозоръ поселенцевъ, разнообразятъ и оживляютъ ихъ жизнь. Есть съ кѣмъ подѣлиться и горемъ, и радостью. Хотя стѣны «бальной залы» и не выштукатурены, а оркестръ состоитъ только изъ одной скрипки, но звуки чародѣйной музыки все же раздаются, и самъ Купидонъ принимаетъ участіе въ танцахъ. Есть кому полюбоваться на свадебное торжество и порадоваться счастью новобрачныхъ. Есть кому поддержать у открытаго гроба духъ скорбящихъ о потерѣ дорогаго человѣка. Случайно судьба запосылитъ въ колонію страстнаго ученаго. Онъ читаетъ лекцію и знакомитъ поселенцевъ съ міромъ науки, литературы, искусства. Во время выборовъ приѣзжаютъ агитаторы. Служа ихъ рѣчи, члены колоніи возвышаются до чувства гражданскаго достоинства и долга и убѣждаются, что судьба государства зависитъ отъ того, какого кандидата они поддержать своими голосами, John'a Doe или Richard'a Roe *). Приѣзжаетъ циркъ, дѣтъ нѣсколько представлений. Дѣтямъ, единственнымъ горизонтомъ которыхъ до сихъ поръ была дикая прерія, онъ открываетъ волшебное царство фантазій; они видятъ передъ собой сказочныхъ принцевъ и принцессъ, рыцарей въ латахъ, мавровъ въ чалмахъ, львовъ, терзавшихъ первыхъ христіанъ въ римскихъ амфитеатрахъ, словомъ — тѣхъ самыхъ, что переходили съ Аннибаломъ черезъ Альпы и пр.

Ступайте теперь къ нашему первому поселенцу и скажите ему: «У васъ столько-то фруктовыхъ деревьевъ, превосходный колодезь, рига, домъ — словомъ, въ своемъ трудѣ увеличили на столько-то стоимость вашей земли. Но земля эта не особенно хороша. Вы уже истощили ее, и отнынь отъ времени до времени ее необходимо уваживать. Я вамъ заплачу полную стоимость всѣхъ вашихъ улучшеній по хозяйству, если вы согласитесь уступить мнѣ землю и снова отправитесь съ семействомъ за предѣлы области, заселенной колонистами». Онъ отвѣтилъ бы смѣхомъ на ваше предложеніе. Съ землей своей онъ собираетъ пшепцы, картофеля и пр. не болѣе прежняго, и однако она даетъ ему много болѣе предметовъ необходимости и даже роскоши; жатва не обильнѣе, но трудъ доставляетъ теперь болѣе тѣхъ вещей, для добыванія которыхъ вообще работаютъ люди. Дѣло въ томъ, что присутствие другихъ поселенцевъ, т. е. ростъ

*) Оба слова, doe и roe, означаютъ одно и то же «животное» — козулю.

населения, увеличило производительность труда нашего колониста и придало его землѣ превосходство надъ землей одинаковыхъ съ ней природныхъ качествъ, но на которой еще нѣтъ поселенцевъ.

Населеніе все продолжаетъ увеличиваться; вмѣстѣ съ нимъ увеличиваются и береженія, идущія на усиленіе производства. Такъ какъ земля нашего перваго поселенца находится въ центрѣ колоніи, то на ней или по соседству съ ней помѣщаются склады, мастерскія и магазины. Здѣсь скоро образуется деревня, быстро вырастающая въ городокъ, средоточіе торговли для цѣлой области. Плодородіе земли перваго поселенца не измѣняется, но стоимость, доходность ея все возрастаетъ; ржи, пшеницы, картофеля собираютъ съ нея не болѣе прежняго, но труду въ производствахъ, требующихъ близости другихъ производителей, особенно же труду въ той конечной части производства, которая сводится къ обмѣну и распределенію, — она даетъ значительно большее вознагражденіе. Человѣкъ, занимающийся исключительно воздѣлываніемъ пшеницы, могъ бы поселиться и подальше отъ колоніи — и тамъ есть земля, на которой трудъ его произведетъ почти столько же богатствъ, какъ въ центрѣ колоніи; но ремесленникъ, фабрикантъ, торговецъ, медикъ, учитель, адвокатъ найдутъ, что трудъ ихъ здѣсь, въ средоточіи обмѣна, доставитъ имъ значительно большее вознагражденіе, чѣмъ даже на небольшомъ разстояніи отъ поселенія. Это даетъ возможность нашему новому колонисту продать подъ постройку зданій нѣсколько акровъ за цѣну, которую онъ никогда бы не выручилъ отъ воздѣлыванія на нихъ пшеницы, еслибъ плодородіе земли его увеличилось въ нѣсколько разъ. На деньги, приобретенныя этимъ путемъ, онъ строитъ себѣ великолѣпный домъ, снабжая его комфортомъ. Другими словами: люди, пожелавшіе пріобрѣсти его землю, выстроили и отдали ему домъ съ условіемъ, чтобъ онъ уступилъ имъ пользованіе увеличенной производительностью, приданной землѣ ростомъ населенія.

Все болѣе и болѣе растетъ населеніе, все болѣе увеличивается стоимость земли и богатство ея обладателя. Городокъ превратился въ большой городъ, въ столицу — въ С. Луи, Чикаго или С. Франциско — и все продолжаетъ увеличиваться. Производство и обмѣнъ ведутся на широкую ногу при помощи усовершенствованныхъ машинъ; раздѣленіе труда доведено до послѣднихъ предѣловъ. Тутъ сердце, мозгъ обширнаго общественнаго организма, выросшаго изъ первоначальнаго поселенія. Здѣсь богатые склады и обширный рынокъ, къ которому сходятся всѣ дороги. Здѣсь фокусъ извѣстной дѣятельности: книжные магазины, библіотеки — хранилища человѣческихъ знаній, ученые, профессора, знаменитые спеціалисты, музеи, картинныя галереи. Сюда со всего свѣта съѣзжаются великіе актеры. Словомъ, здѣсь центръ общественной жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Такъ громады теперь выгоды, доставляемыя труду на землѣ нашего перваго колониста, что на томъ же самомъ пространствѣ, гдѣ прежде одинъ человѣкъ съ парой лошадей пахалъ поле, теперь въ разныхъ

этажахъ — въ пятомъ, шестомъ, седьмомъ и восьмомъ — работаютъ тысячи рабочихъ, а подъ поверхностью земли стучатъ машины, каждое движеніе которыхъ превосходитъ соединенныя силы не одной сотни лошадей.

Всѣ эти преимущества неразрывно связаны съ землей, съ мѣстомъ; ими можно воспользоваться только на этой, а не на какой нибудь другой землѣ, потому что именно здѣсь центръ населенія, фокусъ обмѣна, мастерская наивысшихъ формъ промышленности. Необычайная производительная сила, приданная землѣ ростомъ населенія, равнозначуща увеличенію плодородія этой земли во сто и тысячу кратъ. Нашъ первый поселенецъ теперь миллионеръ. Онъ сдѣлался бы миллионеромъ, еслибъ весь свой вѣкъ прожилъ въ праздности. Онъ обогатился не трудомъ, но только вслѣдствіе роста населенія — рентой. Громадные дворцы изъ гранита, мрамора и желѣза въ центрѣ города не стоятъ земли, на которой они выстроены, и однако съ тѣхъ поръ какъ сюда пришелъ первый поселенецъ физическія свойства этой земли почти ни въ чемъ не измѣнились!

И тамъ, гдѣ стоимости обуславливаются, повидимому, природными качествами — напр., глубокой фариатеръ, хорошая якорная стоянка, богатые залежи угля и желѣза, превосходный строевой лѣсъ и пр. — наблюденіе показываетъ, что эти естественныя выгоды становятся ощутимыми, полезными и пріобрѣтаютъ цѣну только благодаря росту населенія. Угольные и желѣзные копи Пенсильваніи стоятъ теперь баснословныхъ суммъ, а лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ онѣ ничего не стоили. Въ чемъ же причина такого различія? Только въ разницѣ густоты населенія. Угольные и желѣзные залежи Монтаны и Вайоминга теперь не имѣютъ никакой стоимости, но лѣтъ черезъ пятьдесятъ онѣ будутъ стоить миллионы и миллионы долларовъ — просто оттого, что за это время населеніе значительно увеличилось.

Земной шаръ, на которомъ мы несемся въ пространствѣ, можно сравнить съ кораблемъ, въ изобиліи снабженнымъ всѣмъ необходимымъ для жизни. Мало становится хлѣба и мяса на палубѣ — откройте только люкъ, и взоромъ вашимъ представятся запасы, о богатствѣ которыхъ вы и не мечтали. И какъ только, что львиную долю изъ порцій другихъ при этомъ получаютъ тѣ, которые, находясь у открытаго люка, первые хватаютъ добычу и говорятъ: «это мое!»

Отрѣзавшись пока отъ вліянія усовершенствованія наукъ и техники, мы рассмотрѣли вліяніе роста населенія на распределеніе богатствъ и видѣли, что ростъ этотъ, увеличивая производительность труда, увеличиваетъ ренту и соответственно тому уменьшаетъ часть продукта, приходящуюся на долю процентовъ и заработной платы. Теперь, видѣвая вліяніе роста населенія, посмотримъ, какое дѣйствіе на распределеніе богатствъ оказываетъ усовершенствованіе въ способахъ производства. Если и оно тоже увеличиваетъ ренту, то этимъ окончательно опровергается теорія Мальтуса и всѣ основанныя на ней ученія, такъ какъ стремленіе матеріальнаго прогресса къ уменьшенію заработной платы, къ ухудшенію положенія низшихъ классовъ,

можетъ быть удовлетворительно объяснено и безъ помощи этой теоріи.

Какъ вліяютъ усовершенствованія способъ производства? Они ведутъ къ экономіи труда, т. е. даютъ возможность получать тѣ же результаты при меньшемъ количествѣ — или болѣе результаты при равномъ количествѣ труда. Такъ какъ богатства во всѣхъ своихъ видахъ есть продуктъ труда, прирѣченного къ землѣ, или продуктъ земли, то всякое возростаніе производительной силы, прирѣняемое для созданія еще большаго богатства (спросу на богатства нѣтъ предѣловъ), увеличиваетъ спросъ на землю и, слѣдовательно, ренту. И такъ, вѣдь всякаго вліянія роста населенія, прогрессъ техники тоже увеличиваетъ ренту и уменьшаетъ проценты и заработную плату. Подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ и улучшенія въ системѣ государственнаго управленія, прогрессъ въ правахъ и обычаяхъ страны. Такъ, послѣ отмены покровительственной системы, богатство Великобританіи возросло подъ вліяніемъ свободы торговли, но при этомъ увеличилась только рента, а науперизмъ нисколько не уменьшился.

Значительное возростаніе ренты вызывается также спекуляціей. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки переселенецъ, отправляющийся искать предѣловъ земледѣлія, т. е. мѣста, гдѣ онъ могъ бы пріобрѣсти землю, не платя ренты, долженъ пройти рядъ полуустроенныхъ фермъ и потомъ обширное пространство дѣвственной почвы, прежде чѣмъ достигнетъ мѣстности, гдѣ земля свободна отъ ренты, и сю можно прямо завладѣть. Его принуждаютъ заходить такъ далеко спекуляція, заранѣе овладѣвшая землями, въ ожиданіи повышенія ихъ стоимости отъ роста населенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. И когда колонистъ выберетъ себѣ мѣсто для поселенія, онъ старается захватить, если можно, больше земли, чѣмъ сколько онъ въ состояніи обработать — опять съ цѣлью спекуляціи, въ надеждѣ, что со временемъ земля будетъ приносить ему ренту.

Тоже самое видимъ мы и въ каждомъ быстро увеличивающемся городѣ. На окраинахъ его — гдѣ граница строительной дѣятельности, соответствующая по своему экономическому значенію «предѣламъ земледѣлія» — нѣтъ участковъ, которые можно бы купить за цѣну, определяющуюся сельскохозяйственнымъ спросомъ на землю. Такая земля встрѣчается лишь на далекомъ разстояніи отъ города; но близости же его земельные участки имѣютъ огромную спекулятивную стоимость, основанную на ожиданіи, что они скоро потребуются для городскихъ нуждъ.

Въ такъ называемыхъ новыхъ странахъ спекуляція на землю ведется въ большихъ размѣрахъ и приноситъ съ собой раньше времени всѣ социальныя недуги, свойственные только старымъ странамъ. Вотъ почему въ Соединенныхъ Штатахъ Америки на полу-обработанной и даже дѣвственной почвѣ перѣдко встрѣчается много нищихъ и бродягъ.

Спекулятивное повышеніе стоимости земли Г. Дж. считаетъ если не единственной, то главной причиной промышленныхъ кризисовъ, периодически повторяющихся во всѣхъ странахъ матеріальнаго прогресса.

Въ прогрессирующихъ обществахъ, гдѣ население растетъ и усовершенствованіе техники быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, стоимость земли должна постоянно увеличиваться, что неизбежнымъ образомъ ведетъ къ спекуляціи, стремящейся предвосхитить ожидаемое увеличение ренты. Подъ вліяніемъ спекуляціи, стоимость земли повышается сверхъ той нормы, при которой — въ виду существующихъ условий промышленности — капиталъ и трудъ могутъ получать обычное свое вознагражденіе. Производство начинаетъ замедляться. Абсолютнаго уменьшенія производства при этомъ можетъ и не быть, но происходитъ явление, для прогрессирующаго общества равносильное абсолютному уменьшенію производства въ обществахъ застою: прекращеніе непрерывнаго усиленія производства вслѣдствіе того, что трудъ и капиталъ не могутъ найти себѣ занятія при достаточно выгодныхъ условіяхъ. Замедленіе въ извѣстныхъ отрасляхъ производства отзывается и на другихъ видахъ промышленности и всюду вызываетъ прекращеніе спроса, которое, съ своей стороны, тоже парализуетъ производство. Этимъ путемъ параличическое состояніе передается всѣмъ видамъ промышленности и торговли, порождая дисгармонію между производствомъ и обменомъ и выражаясь въ явленіяхъ, которыя при поверхностномъ наблюденіи можно принять за симптомы чрезмернаго производства (surproduction) или чрезмернаго потребленія (surconsommation).

Одни экономисты говорятъ, что спекуляція (разумѣя тутъ спекуляцію вообще) вызываетъ промышленные кризисы тѣмъ, что ведетъ къ чрезмерному производству. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, они указываютъ на склады, переполненные товарами, которые торговцы не могутъ продать за выгодную цѣну, на мельницы, прекратившія всякую работу или работающія только на половину, на засыпавшія кони, на деньги, непродовительно лежащія въ банкахъ, на рабочихъ, осужденныхъ на праздность и лишенія. Факты эти, по ихъ мнѣнію, доказываютъ, будто производство превысило спросъ на потребленіе.

Экономисты другой школы утверждаютъ, будто спекуляція причиняетъ кризисъ чрезмернымъ потребленіемъ. Склады, переполненные товарами, безработица и пр.—все это обуславливается недостаткомъ спроса, а недостатокъ спроса зависитъ отъ того, что население, увлекшись фиктивными богатствами, созданными спекуляціей, тратило нѣкоторое время больше, чѣмъ могло, и теперь принуждено ограничить себя въ расходахъ, т. е. потреблять менѣе богатствъ.

Каждая изъ этихъ двухъ теорій объясняетъ только одну сторону или фазу истинны болѣе общей, которую ни та, ни другая теорія не разглядѣли надлежащимъ образомъ.

Несомнѣнно, что население, взятое въ цѣломъ, всегда нуждается въ большемъ количествѣ богатствъ, чѣмъ сколько оно можетъ получить, и что оно всегда готово отдать за полученіе богатства то, что составляетъ для послѣдняго, такъ сказать, сырой матеріалъ—свой трудъ. Какъ же послѣ этого можетъ существовать чрезмерное производство? И какъ возможно чрезмерное потребленіе, когда производство замедляется и рабочіе лишаются работы?

Если, рядомъ съ желаніемъ больше потреблять, всегда существуетъ способность и желаніе больше производить, то промышленные и торговые кризисы не могутъ зависѣть ни отъ чрезмернаго производства, ни отъ чрезмернаго потребленія. Всѣ согласны въ томъ, что кризисы вызываются спекуляціей. Но какого рода спекуляціей? Конечно, не спекуляціей на предметахъ, которые есть результаты труда, на сельско-хозяйственныхъ или фабричныхъ продуктахъ, потому что такая спекуляція — какъ то убѣдительно доказывается въ любомъ учебникѣ политической экономіи—дѣйствуетъ подобно маховому колесу въ машинѣ и только регулируетъ, уравниваетъ спросъ и предложеніе. Поэтому причиной кризисовъ можетъ быть лишь спекуляція на предметахъ, которые не продуктъ труда, но необходимы труду для создаванія богатствъ, на предметахъ, количество которыхъ не можетъ быть произвольно увеличено — т. е. спекуляція на землѣ.

Спекуляція на землѣ есть истинная причина кризисовъ. Это доказываетъ ходъ промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Тамъ въ каждомъ періодѣ усиленія промышленной дѣятельности стоимость земли всегда увеличивается и подъ конецъ происходитъ спекулятивное повышеніе ея большими скачками. За этимъ постоянно слѣдуетъ замедленіе производства, уменьшеніе спроса и коммерческій крахъ. Наконецъ начинается періодъ сравнительнаго застою, во время котораго равновѣсіе медленно возстановляется. Всѣ эти измѣненія повторяются, какъ извѣстно, периодически. Періодъ кризиса продолжается, 1) пока не уравниваются спекулятивное увеличеніе ренты, или 2) пока усиленіе производительности труда, ростъ населения и усовершенствованія техники не позволяютъ нормальной линіи ренты догнать спекулятивную линію ренты, или 3) пока трудъ и капиталъ не рѣшатся принять участіе въ производствѣ за меньшее вознагражденіе. Обыкновенно всѣ эти три фактора дѣйствуютъ одновременно, вызывая равновѣсіе, ведущее къ новому періоду усиленія промышленной дѣятельности и т. д.

Уже одного грустнаго и какъ бы неестественнаго зрѣлища большаго числа рабочихъ, ищущихъ и не находящихъ себѣ работы, достаточно, чтобы объяснить основную причину кризиса всякому, кто привыкъ мыслить логично. Разспросите любого изъ этихъ рабочихъ, и вы увидите, что, хотя онъ никогда не слышалъ о Мальтусѣ, по ему кажется, что слишкомъ тѣсно въ мірѣ, что слишкомъ много людей на землѣ. У него сильные, ловкія и трудолюбивыя руки, а работы нѣтъ, жена и дѣти умираютъ съ голоду. Посадите его на необитаемый островъ, гдѣ онъ будетъ лишаться всѣхъ выгодъ коопераціи и машиннаго производства, и однихъ рукъ его будетъ достаточно, чтобы прокормить себя и семейство. Почему же теперь, живя въ центрѣ усовершенствованнаго производства, онъ этого не въ состояніи сдѣлать? Не потому ли, что въ одномъ случаѣ онъ имѣетъ доступъ къ веществамъ и силамъ природы, а въ другомъ его не имѣетъ?

Мы видѣли, что появленіе бѣдности среди постоянно увеличивающихся богатствъ Г. Джорджъ объясняетъ существованіемъ ренты

и спекуляціей на поземельной собственности и что причину, вслѣдствіе которой заработная плата — не смотря на увеличеніе производительной силы — постоянно стремится къ минимуму, дающему рабочимъ возможность лишь скуднаго существованія, онъ усматриваетъ въ томъ, что, по мѣрѣ усиленія производства рента все увеличивается и тѣмъ вызываетъ пониженіе заработной платы.

Какія же могутъ быть средства для искорененія этого зла?

Средства, предложенныя до сихъ поръ экономистами разныхъ школъ, главнымъ образомъ слѣдующія: соблюденіе большей бережливости въ государственномъ бюджетѣ, распространеніе образованія и привычки къ поддержанію и сбереженію въ рабочихъ классахъ, коалиціи рабочихъ съ цѣлью повышенія заработной платы, кооперація труда и капитала, внимательство государства въ экономическихъ отношеніяхъ, болѣе всеобщее распределеніе земли.

Всякое усовершенствованіе въ системѣ управленія и бережливости въ государственныхъ расходахъ, безъ сомнѣнія, желательны; но на экономическія отношенія они дѣйствуютъ подобно усовершенствованіямъ техники, усиливая производство и обменъ, и, слѣдовательно, пока земля остается монополизирующей, не могутъ увеличить заработную плату и уничтожить бѣдность.

То же самое можно сказать и о проектахъ распространенія просвѣщенія среди рабочихъ. Кромѣ того, въ такихъ проектахъ задача обыкновенно ставится на-изнаву. Чтобы сдѣлать людей развитыми, предприимчивыми и бережливыми, необходимо ихъ сначала освободить отъ нужды. Если вы хотите, чтобы рабъ обладалъ достоинствами свободного человѣка, то прежде всего отпустите его на волю.

Коалиціи рабочихъ могутъ, безъ сомнѣнія, повышать заработную плату на счетъ ренты, но дѣйствіе ихъ исключительно мѣстное, не отражающееся на другихъ производствахъ, а потому онѣ не могутъ служить общимъ средствомъ для освобожденія рабочихъ.

Разныя производительныя и потребительныя ассоціаціи также не въ состояніи эмансипировать рабочихъ. (Противъ нихъ Г. Дж. приводитъ общезвѣстные возраженія).

Вмѣстительство государства, т. е. государственный социализмъ или коммунизмъ, тоже несостоятельны. Цѣль коммунизма — предотвращеніе концентраціи богатствъ въ немногихъ рукахъ — сама по себѣ хороша, но средства, предлагаемыя имъ, требуютъ удержанія многочисленнаго чиновничества, обремененнаго инквизиторскою властью, что можетъ повести только къ деспотизму и деморализаціи. На хорошіи конецъ коммунизмъ могъ бы породить нѣчто въ родѣ древняго персидскаго государства или того порядка, который іезуиты — къ чести своей — завели и такъ долго умѣли поддержать въ Парагваѣ. Нельзя сказать, чтобы такое государство не было лучше того социальнаго устройства, къ которому насъ влечетъ существующій экономическій порядокъ. Хотя въ древнемъ Перу производство находилось на низкой степені развитія, вслѣдствіе недостатка жезла и рабочаго скота, но население тамъ не знало нужды и съ пѣснями отправлялось на работу.

Но социализмъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи приближающійся къ этой устарѣлой формѣ, не годится для современнаго общества. «Идеаль» социализма (говоритъ Г. Дж. на стр. 288—289) благоденствіе и величіе, какъ я въ томъ убѣжденъ, вполне осуществимы на практикѣ, но социалистическаго общества нельзя сфабриковать — оно должно вырасти. Общество не машина, а организмъ. Оно можетъ жить лишь индивидуальной жизнью своихъ частей. Только свободное развитіе всѣхъ частей можетъ гарантировать гармонию цѣлаго. Все необходимое для социальнаго возрожденія заключается въ девизѣ русскихъ патріотовъ, иногда называемыхъ нигилистами, — «Земля и Воля!»

Свободная торговля землей (free trade in land) и созданіе сословія мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, крестьянъ (мѣры, предложенныя противъ системы лэндлордства въ Англіи) не могутъ уничтожить или уменьшить ренту и потому останутся безъ вліянія на заработную плату; они только увеличатъ число обезпеченныхъ людей, но не улучшатъ положенія рабочаго класса. Идея частной собственности справедлива лишь по отношенію къ предметамъ, созданнымъ трудомъ человека, но не по отношенію къ землѣ, завладѣніе которой ведетъ къ рабству рабочихъ. Зависимость труда отъ земли и деспотическая власть, приобретаемая землевладѣльцемъ надъ другими людьми, нуждающимися въ его землѣ, объясняютъ намъ факты, иначе необъяснимые: существованіе учреждений, обычаетъ, діаметрально противоположныхъ природному инстинкту равенства и свободы.

Есть только одно средство искоренить бѣдность и всѣ связанные съ нею социальные недуги, это уничтоженіе частной поземельной собственности. Пока человекъ можетъ считать исключительной своей принадлежностью землю, необходимую для пропитанія другихъ, до тѣхъ поръ будетъ существовать бѣдность и рабство, которые будутъ только усиливаться подъ вліяніемъ матеріальнаго прогресса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

II. Бѣдныя самодержцы! Въ русской дѣйствительности, какъ и въ исторіи, нельзя шагнуть, чтобы не вспомнить словъ Мордвинова о томъ, что царь называется «самодержцемъ оттого, что его самого держатъ». Между прочимъ эти слова постоянно приходятъ на мысль, при чтеніи въ высшей степени интересныхъ «Записокъ сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ» (при Александрѣ II), печатаемыхъ черезъ часть по чайной ложкѣ въ «Русской Старинѣ». Тамъ на каждой страницѣ видишь, какъ не только вообще слуги самодержца-освободителя, но именно тѣ лица, которымъ онъ поручалъ устройство освобожденія ставили дѣлу тормазы. Министръ Муравьевъ и госуд. секретарь Бутковъ даже позволяли себѣ прямо говорить, что ничего изъ затѣй самодержца и не будетъ. По этому поводу Соловьевъ рассказываетъ истинно забавныя сцены, какъ плакалась на этихъ господъ-слугъ бѣдненькая жена самодержца: «Вѣроятно, говоритъ онъ,

одно изъ этихъ лицъ имѣла въ виду императрица, когда при представленіи ей Н. А. Милютину, не задолго до назначенія его товарища министра, сказала: *Même pendant que l'empereur faisait des discours à la noblesse, pour l'engager à travailler, il y avait en province un personnage officiel qui tripotait contre nous*. Въ другой разъ, нѣсколько прежде, на вечерѣ у княгини Елены Павловны императрица подошла къ графу Бобринскому и Н. А. Милютину и, узнавъ, что они говорятъ о крестьянскомъ дѣлѣ, отозвалась неодобрительно о дѣйствіяхъ членовъ главнаго комитета, при чемъ прибавила: «*De tous ces messieurs il n'y avait que le comte Kissilef qui avait étudié cette question et qui la désirait sincèrement*». (Русская Старина, 1882, Октябрь, 140).

III. Эпическій характеръ крестьянскихъ мечтаній. Если вышеприведенныя анекдоты поучительны для народниковъ-монархистовъ (которыхъ вовсе не такъ мало въ Россіи, какъ многіе думаютъ), то слѣдующая выписка изъ «Кіевской Старины» должна быть поучительна для народниковъ-революционеровъ. Въ названномъ журналѣ печатаются тоже крайне интересные воспоминанія: «Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія». Между прочимъ тамъ рассказано, какъ послѣ усмиренія польскаго возстанія 1830—31 г., вопреки надеждамъ крестьянъ, гнетъ надъ ними помѣщиковъ (поляковъ) не только не ослабѣлъ, но еще усилился вслѣдствіе «упорядоченія» администраціи и полиціи, которая давала политическій духъ въ панахъ, но служила ихъ экономическимъ интересамъ. «Въ представленіи моего отца, рассказываетъ авторъ воспоминаній въ К. Старинѣ, императоръ Николай былъ рыцаремъ, какихъ свѣтъ не видѣлъ; онъ отъ всей простой души своей вѣрилъ многочисленнымъ сказкамъ, разносимымъ солдатами, о его необычайныхъ подвигахъ, въ родѣ, напр., разгрома всѣхъ сенаторовъ и министровъ, заманившихъ его въ сенатъ, чтобы тутъ секретно покончить съ нимъ, — внезапнаго появленія въ снѣдѣ, отъ котораго всѣ архіереи попрыгали подъ столъ и т. п., онъ не допускалъ, чтобы такой рыцарь.... могъ не знать, что тутъ творится панами, становыми и т. п., и только утѣшалъ себя мыслью о томъ, что, вѣроятно, онъ собирается съ кѣмъ либо воевать и что, покончивши войну, онъ приметъ снова за пановъ».

Такъ думалъ сельскій священникъ, раздѣляя вѣру и мечты своихъ прихожанъ-крестьянъ, мечты, какъ видимъ, почти буквально сходныя съ теперешними. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что представленія украинскіхъ крестьянъ о царѣ двойны: то царь сдѣлаетъ добро народу, то онъ безсиленъ сдѣлать что либо, — преодолѣть силу «саноты». Вотъ почему у украинскіхъ крестьянъ легенды о появленіи царя въ сенатѣ среди вельможъ распространены и въ такихъ варьянтахъ, что паны держатъ тамъ царя въ неволю и даже мучатъ его. (См. въ Громадѣ, V, 210—211, легенду, записанную г. Я. Стефановичемъ въ Чигринницѣ). Хотя легенды послѣдняго рода вѣрнѣе отражаютъ дѣйствительное положеніе безсильнаго на добро самодержавія, но все таки ихъ эпическій характеръ въ состояніи привести въ отчаяніе дру-

зей общественнаго развитія. И такія легенды все болѣе усиливаются и на когда то козацкой Украинѣ, благодаря между прочимъ близорукости ея интеллигенціи, не умѣющей поддерживать и развивать остатковъ свободныхъ и культурныхъ традицій въ украинскомъ народѣ.

IV. Козацкія традиціи на Украинѣ. Вотъ одно изъ указаній на такіе остатки, встрѣченное нами въ новѣйшей печати. Мы беремъ его изъ въ высшей степени интересныхъ «Записокъ южно-русскаго крестьянина», помѣщенныхъ въ переводѣ съ украинскаго въ «Устояхъ» (1882 г., № 1—2). Крестьянинъ, бывшій бурлакъ, рассказываетъ между прочимъ:

«Замѣтилъ я тамъ одного «дидуса», стараго, сѣдаго и лысого. Тотъ «дидусъ» былъ родомъ изъ Полтавской губерніи, изъ Веремѣвки. Познакомился онъ со мною (онъ былъ коноваль) и много кой-чего мнѣ рассказывалъ. Бывало, зимою я уберу конюшню, а онъ смотрѣлъ за жеребцами, да гдѣ-нибудь и сойдемся себѣ. Онъ мнѣ и рассказываетъ все, что знаетъ.

Рассказывалъ онъ мнѣ, что когда-то въ Полтавщинѣ жили козаки, назывались запорожцами. Я ему и говорю: то жъ были разбойники?

А онъ мнѣ и говоритъ: Не вѣрь, то не разбойники. Они были козаки, какъ вотъ теперь солдаты. Имѣли они себѣ своего «пана гетьмана», а онъ управлялъ войскомъ козацкимъ. Назывались они украинцами. Было у нихъ своей земли много, а сами они воевали. За то и называли ихъ разбойниками и ворами. А они были добрые люди, какъ и всѣ люди.

— А я и говорю: какъ же это? Такіе люди, а ихъ называли такими.

— Потому что они были «неувага», не давали спуска никому.

А я и говорю: какъ же это не давали спуска? Значитъ, они были разбойники?!

А онъ говоритъ: если кто-нибудь нападалъ на нихъ, то они были сердиты и зададутъ, бывало, жару. Это, — говоритъ, — была когда-то ихъ земля.

— А я думалъ, — говою я, — что они разбойники.

Тогда «дидусъ» и говоритъ мнѣ: тогда козаки были, какъ теперь паны. Они были военные: у нихъ была своя крѣпость возлѣ Херсона, называлась Сѣчь. И этотъ Херсонъ, онъ не Херсономъ назывался тогда, а иначе.»

Въ этомъ воспоминаніи «дидуса» нѣтъ, конечно, должной отчетливости (напр., козаки-гетманцы смѣшаны съ запорожцами), но сущность козацкины передана въ немъ вѣрно, — и если бы украинское простонародіе не было оставлено само на себя помосковившеюся и ополяченною интеллигенціею, подобныя воспоминанія, которыя были бы въ томъ случаѣ и отчетливѣе, стали бы прочною подкладкою для его политическаго и социальнаго воспитанія, что въ свою очередь было бы могучею подкладкою и для свободныхъ стремлений лучшей части интеллигенціи. Но случилось такъ, что украинская интеллигенція стала браться за умъ только недавно, да и то количество этихъ взявшихся за умъ, т. е. сознавшихъ необходимость возвратиться къ національности своего народа, крайне не-

чтожко и до сих поръ, а потому и до сих поръ все разговоры о культивированіи среди украинскаго народа остатковъ его прежней нравственной и политической культуры не имѣютъ большого практическаго значенія. Украинское простонародье и до сих поръ сохраняетъ эти остатки и приспосабливаетъ ихъ къ новымъ условіямъ жизни само, безъ помощи выше его стоящихъ образованныхъ людей. Сохраненіе это выражается, напр., въ массѣ пѣсенъ политическаго характера, которыя играютъ на Украинѣ воспитательное значеніе въ такомъ же родѣ, какъ, напр., въ Италіи памятники пластическаго искусства, — а вышеупомянутое приспособленіе обнаруживается, напр., тѣмъ, что мѣстами крестьяне привизываютъ ожидаемую ими наѣзку земли не къ царю, а къ Запорожью, которое де скоро опять возстановится.

У. Страхи украинскаго сепаратизма. «А, такъ, Вы значитъ, за возстановленіе козачества, — Гетьманщины и Запорожья, — вещей, осужденныхъ на смерть исторіею. — Вы за сепаратизмъ, — вещь противную нынѣшнимъ объединительнo-космополитическимъ читателямъ!» — воскликнетъ «догадливый читатель», какихъ много между россиянами, благополучными и злополучными, консервативными и радикальными, — «Вы мечтатель-романтикъ и реакціонеръ!»

По части реакціи, мы, если бы были дѣйствительно мечтателями — козакофиломъ, сказали бы, что наши реакціонныя мечтанія вовсе не противны прогрессу, ибо козацкія республики старой Украины были гораздо ближе къ идеальному политическому строю, чѣмъ та російская имперія, въ которой благоденствуетъ Украина въ настоящее время. Эти республики имѣли свои недостатки и въ прошломъ, — но все таки онѣ были республики, все-таки, напр., Запорожье представляло вполне демократическую общину, а при томъ вовсе не исключительно военную и даже разбойническую, вовсе не дикую, какъ угодно утверждать официальнымъ историкамъ польскимъ (Шуйскій) и московскимъ (Соловьевъ) и обратившемуся почему-то къ ихъ идеямъ г-ну Кулину; все таки въ Гетьманщинѣ сотня была, по крайней мѣрѣ въ принципѣ самоуправлявшейся властью, полкъ такимъ же уѣздомъ, а вся Гетьманщина такою же областью, въ которой постепенно вырабатывались и формы общенароднаго представительства. Объ этой выработкѣ мы поговоримъ подробнѣе въ другой разъ, а теперь считаемъ достаточнымъ и сказаннаго для иллюстраціи мысли о томъ, что украинецъ, который бы мечталъ о возвращеніи своей страны къ порядкамъ XVII—XVIII в. вовсе не былъ бы черезъ то реакціонеромъ.

Но дѣло въ томъ, что объ этомъ также точно никто не мечтаетъ, какъ и объ украинскомъ сепаратизмѣ, о которомъ въ послѣдній мѣсяцъ оицѣ поговорили разныхъ нелѣпостей московскія газеты гг. Каткова и Аксакова и ихъ петербургскіе и кіевскіе прихвостни.

Впрочемъ, да успокоится читатель: мы пощадимъ его отъ полемики съ этими господами. Какая тутъ, въ самомъ дѣлѣ, полемика, хоть бы съ г. Аксаковымъ, который продолжаетъ пѣть пѣсню, напр., о полонифильствѣ Вашего покорнаго слуги, котораго никакъ не

можетъ забыть г. Аксаковъ?! Но сегодня мы остановимся не на обвинителяхъ украинскаго движенія, а на такихъ его защитникахъ въ русской печати, какъ, напр., г. Н. С. авторъ статьи «Львовскій Процессъ» въ октябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы». Мы остановимъ вниманіе читателя на слѣдующей выдержкѣ изъ этой статьи:

«Для политическаго сепаратизма Малоросіи не было, нѣтъ и быть никогда не можетъ безусловно никакой почвы, никакого основанія. У малороссовъ съ русскими одна историческая традиція (?), одна вѣра и, слѣдовательно, во многомъ одинъ складъ попятій; въ правахъ ихъ много общаго, а языки такъ близки одинъ къ другому, что, предоставленные своему естественному развитію, они неминуемо должны слиться во-едино (?). Все это такія крѣпкія и прочныя связи, которыя не разрываются никакими политическими фантазіями. Народъ ихъ не приметъ, сколько бы ихъ ему ни навязывали и какіе бы фантазеры съ ними ни поспѣли. Кроме того, между землями, населенными малороссами и русскими, нѣтъ ни малѣйшаго подобія естественныхъ границъ. Оба племени живутъ, мѣстами въ перемежку, на плоской равнинѣ, не перерѣзываемой ни горами ни рѣками (?). Наконецъ, общіе экономическіе интересы такъ тѣсно связываютъ ихъ между собой, что политическое разъединеніе равно гибельно отразилось бы на тѣхъ и другихъ. Ясно, что всякая рѣчь о сепаратизмѣ просто смѣшна.

«Но нѣтъ той смѣшной нелѣпости, которая не могла бы стать источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій, если ее сдѣлаютъ орудіемъ политическаго гнета и національнаго гоненія. До сих поръ малороссы были такъ же глубоко преданы Россіи, какъ и природные великороссы; но политика, построенная по образцу, придуманному «охранителями», можетъ въ нихъ эту преданность убить и заставить, но меньшей мѣрѣ, съ пассивнымъ равнодушіемъ относиться къ интересамъ государства, въ которомъ для нихъ, какъ для особаго племени, не находится мѣста, и гдѣ самый фактъ ихъ существованія въ этомъ качествѣ объявляется іезуитско-польско-австрійской интригой. Позвольте малороссамъ оставаться малороссами и они скоро станутъ настоящими русскими не только по имени, но и по существу. Если же ихъ насильственно будутъ обращать въ русскихъ, они все мало-по-малу начнутъ величать великороссовъ «москалями», а сами себя «украинцами», какъ это уже и дѣлаетъ небольшая пока группа среди нихъ. Эти выраженія: украинцы, украинофилы, недаромъ приводятъ въ такое яростное негодованіе господъ «охранителей». Они хорошо понимаютъ тенденцію, тающуюся въ этихъ названіяхъ и стремящуюся раз навсегда отнять почву, уничтожить ту игру словъ, или, вѣрнѣе, даже буквъ, при помощи которой малороссы объявляютъ русскими, и на этомъ основаніи не признають за ними никакого права на племенную особность. Плохо, очень плохо будетъ, если вся Малороссія пойметъ истинное политическое значеніе этой игры словъ и начнетъ называть себя Украинной, а свой народъ украинцами. Плохо, очень плохо будетъ, если угнетенная Галиція сдѣ-

лается чѣмъ то въ родѣ свѣточа или звѣзды, къ которой станутъ обращаться взоры нашихъ наслаждающихся покоемъ и счастьемъ малороссовъ. А это можетъ случиться, если «охранительныя» тенденціи восторжествуютъ, и отношеніе наше къ малороссамъ не измѣнится. Разумѣется, это не поведетъ прямо къ расчлененію Россіи, — воображаемое стремленіе; которое такъ пугаетъ этихъ господъ; но это можетъ внести въ нее расклевлющій и растлѣвающий ядъ племенной вражды, гражданской междоусобицы, которая, по отношенію къ внутренней жизни государства, немногимъ лучше расчлененія».

Мы уже имѣли случай говорить о г-нѣ Н. С., какъ объ авторѣ статей по польскому вопросу въ «Русской Мысли» («В. Ст.» № 21). Это публицистъ очень симпатичнаго, федеральнаго направленія въ славянскихъ вопросахъ, статьи котораго, по справедливости, были замѣчены публикой и въ Россіи, и въ Западной Славянщинѣ. Къ сожалѣнію, въ статьяхъ г. Н. С. не видно стремленія къ полной точности во всѣхъ фактахъ, на которыхъ авторъ основываетъ свои заключенія, а рядомъ съ этимъ видна наклонность къ адвокатскому способу доказательствъ: во что бы то ни стало, съ помощью хотѣ на чувство, если не на убѣжденіе. Въ выписанной тирадѣ эти черты писательской манеры г. Н. С. обнаружались, какъ въ первой половинѣ, въ которой авторъ старается побороть страхъ украинскаго сепаратизма смягченіемъ условий для центробѣжнаго движенія украинцевъ, такъ и во второй, въ которой авторъ, изъ похвальнаго желанія поразить катковщину, пугаетъ читателя возможностью, если не сепаратизма украинскаго, то племенной вражды и гражданской междоусобицы. Мы не станемъ теперь разбирать степень точности послышковъ первой половины тирады, — хотя и очень интересно бы разобрать вопросъ, наприм., о степени общности историческихъ традицій украинскихъ и великорусскихъ и даже о степени сходства (народной, а не официальной) религіи у обоихъ племенъ *). Мы остановимся на второй половинѣ защитительной для украинскаго автономизма тирады г. Н. С.

Она, между прочимъ, пугаетъ читателей тѣмъ, что, если малороссы не будутъ позволять оставаться малороссами, то они начнутъ величать великороссовъ москалями, а сами себя украинцами. Да вѣдь эта бѣда — если это бѣда — уже давно существуетъ. Намъ очень не хочется пестрить наши замѣтки учеными цитатами, а потому мы скажемъ только, что всякій, взявши въ руки любой сборникъ актовъ, грамотъ, хрестоматіи съ самаго Богдана Хмельницкаго, любой этнографическій сборникъ, любое путешествіе великоросса на Украину въ XVII—XVIII в. (хоть бы, напр., письма съ дороги Екатерины II), любую повѣсть изъ украинской жизни (хоть бы, напр., Гоголя «Вечера» или «Вий»), — онъ убѣдится, что свои и чужіе чаще всего называли и называютъ «малороссы» — украинцами, а великороссы —

*) По послѣднему вопросу очень любопытно прочесть, напр., въ авг. книжкѣ «Кіевской Старины» писанный великороссомъ разборъ «Памятной книжки кіевской епархіи» — со взглядомъ на больше помилыхъ святыхъ и праздники на Украинѣ и въ Великороссіи.

«москалями» *). Имя Малороссiе было и есть книжное и употреблялось преимущественно относительно черниговской и полтавской губ., официальной Малороссiи въ Россiйской имперiи. Для жителей Слободской Украины, Правобережной и самой г. называемой Новороссiи это имя совсѣмъ дико, — тогда какъ имя украинцевъ имѣ совершенно родное. Чуждымъ образомъ звучитъ послѣднее развѣ Волынянамъ, а особенно Галичанамъ, изъ которыхъ послѣднiе всего чаще зовутъ себя русинами или русняками, какъ и забужскiе унiаты и отчасти западные подольцы и бессарабы (не румыны, конечно). Но и въ пѣсняхъ этихъ западныхъ нашихъ соплеменниковъ находимъ имя Украина и украинцы для наименованiя своей земли и народа, — и даже закарпатскiе русины зовутъ часть своей земли около Мукачева Краппа, даже иногда Украина.**) Такимъ образомъ, изъ всѣхъ племенъ, прилагаемыхъ къ такъ называемымъ малороссамъ, какъ развѣ, всего естественнѣе является имя украинцевъ. Мы не думаемъ, чтобъ это имя само по себѣ представляло большiй источникъ сепаратизма извѣстнаго населенiя отъ Россiи, но во всякомъ случаѣ это имя въ Россiи не представляетъ такой новизны, какъ думаетъ г. Н. С. Нѣкоторую новизну оно представляетъ развѣ въ Австрiи, п тутъ употребленiе его имѣетъ тенденціозное значенiе и, если хотите, нѣкоторую опасность — не для Россiи, а именно для Австрiи, особенно для австрiйской Польши. Здѣсь имя украинцевъ напоминаетъ о родствѣ тамошнихъ русиновъ, — которыхъ польскiе Катковы считаютъ развидностью Поляковъ, съ придишловскими украинцами, — козаками, все таки самыми энергическими представителями своей расы въ борьбѣ за ея самостоятельность отъ Польши; здѣсь имя украинofilъ напоминаетъ, напр., о Шевченкѣ, представителѣ идеи о возрожденiи народа, котораго австрiйскiе русины составляютъ только часть. Здѣсь, при проникновенiи туда руссiйскаго украинofilства въ началѣ 1860-хъ г., сильно не понравилось имя украинцевъ всѣмъ офиціозамъ: правительственнымъ, нѣмецкимъ и польскимъ и клерикальнымъ, — римскимъ и русино-унiатскимъ. Нужна была вся близорукость руссiйскаго правительства, которое стало гнать украинское движенiе у себя, и вся тупость московскихъ централистовъ, которые вызвали къ такому гоненiю и приняли реакцію противъ ук-

*) Мы цитируемъ для г. Н. С. только одинъ примѣръ изъ официальной бумаги XVIII ст. Въ 1710 году кiевскiй воевода кн. Дм. Голицынъ писалъ канцлеру Головкину: «Сказывалъ мнѣ бывшiй чигиринскiй сотникъ Невѣнчанский, что... на дороге встрѣтилъ гетманскаго посланца... Этого посланца спрашивалъ его: На Москвѣ что дѣлается? а у насъ на Украинѣ слышно, что государь хочетъ украинскихъ всѣхъ людей перенести за Москву и на Украинѣ поселить русскихъ людей. Москва лучше наши города хочетъ себѣ пообрать»... (Солов. Ист. Росс. XVI, 39)

**) А вотъ примѣръ того, какъ необходимо прибѣгнуть къ употребленiю слова украинскiй, если хотишь точно опредѣлить характеръ языка закарпатскихъ русиновъ. Въ бумагахъ словацкаго патрiота начала XIX ст., Рыбал, есть замѣтки о рукописяхъ библиотеки въ Мукачевѣ, и между ними такая: *in eadem bibliotheca multo plures numerantur veteres codices in lingua potissimum Slavoliterali sed jam ad Russicam-Ukrainensem... hic illic flexa.*

(Русск. Филолог. Вѣсти. 1881. 1, 205)

рапинства русинскихъ старовѣровъ за напрусенiзмъ, — чтобъ измѣнить отчасти такое положенiе украинизма въ Австрiи. Но и теперь очень ошибется тотъ, кто подумаетъ, что радикальное украинство, à la Шевченко, въ большомъ авантажѣ въ Галицiи даже въ той изъ тамошней партiи, которую называютъ украинofilами, у пародовцевъ, цвѣта львовскаго «Дѣла». Его держатся только непримиримые, болѣе или менѣе социалистическаго характера, — и только они употребляютъ безъ оглядки имя украинцевъ для наименованiя своего народа.

Благодаря глупости петербургскаго правительства и тупости московскихъ централистовъ Галицiя дѣйствительно теперь сдѣлалась убѣжищемъ даже и для руссiйскаго украинскаго движенiя. Тамъ, гдѣ существуютъ школы, гимназiи и университетскiя кафедры съ украинскимъ языкомъ, печатаютъ теперь свои работы и украинцы изъ Россiи. Но, — вовсе не думая ни поддѣлываться къ русскому правительству, ни замызгать ему глазъ (ни то, ни другое ни къ чему намъ не пушло), но единственно для уясненiя вопроса, о которомъ такъ часто говорятъ въ Россiи, мы скажемъ, что даже и отъ такого положенiя дѣла опасность отъ украинскаго движенiя существуетъ гораздо болѣе для австрiйско-польскаго государства, чѣмъ для Россiи. Галицiя слишкомъ мала, галицкая интеллигенцiя слишкомъ мало энергична и бѣдна, слишкомъ придавлена польскою интеллигенцией, чтобъ Галицiя могла стать въ политическомъ отношенiи притягательнымъ пунктомъ для руссiйской Украины. Съ другой стороны, польская интеллигенцiя въ Галицiи слишкомъ недальновидна (едва ли еще не болѣе, чѣмъ московскiе централисты), чтобъ рѣшиться на уступки, которыя бы удовлетворили русиновъ. Къ тому же эта интеллигенцiя тамъ представляетъ и сословіе, которому мужики-русины противны и въ социальномъ, а не только въ національномъ отношенiи. По всему этому въ Галицiи всегда (до радикальнаго измѣненiя всѣхъ ея социальныхъ отношенiй) будетъ антагонизмъ между русинами и поляками (мы не говоримъ о польскомъ народѣ, который живетъ въ отрубной полосѣ въ западной Галицiи), тогда какъ въ Россiи, съ наденiемъ бюрократическаго самодержавiя, которымъ теперь завладѣли московскiе централисты, весьма легко уладится весь украинскiй вопросъ. Великокурскiй народъ, какъ и чисто-польскiй, живетъ себѣ въ отрубномъ кускѣ и въ послѣднее время даже не колонизируетъ южныхъ провинцiй, а движется къ Востоку, уступая даже донскую область и Ставропольскую губ. украинцамъ. Овеликорущенная сверху часть образованныхъ классовъ на Украинѣ скорѣе только отвыкла отъ украинской національности, чѣмъ враждебна ей, какъ это до сихъ поръ приходится говорить (особенно основываясь на примѣрѣ Галицiи) о части ополяченной. Вотъ почему, при установленiи въ Россiи политической свободы, особенно на началахъ областной свободы, можно ожидать вполне мирнаго улаженiя украинскаго вопроса съ поставленiемъ украинскаго движенiя въ его естественныя рамки. Политическаго сепаратизма при этомъ тѣмъ болѣе нечего бояться въ Россiи, что украинцамъ онъ былъ бы не вы-

годенъ, — такъ какъ, кромѣ всего прочаго, они лишались бы запасныхъ для своей колонизацiи земель поемяду Донцомъ, Нижней Волгой и Кавказомъ, которыя они непремѣнно за колонизуютъ въ не очень отдаленномъ времени. Въ то же время, какъ обиліе запасныхъ земель, такъ и относительная слабость помещичько-капиталистическаго элемента въ Россiи и явная наклонность интеллигенцiи страны къ демократическимъ идеямъ, даетъ основанiе ожидать, что и аграрныя отношенiя здѣсь уложатся выгоды для украинскаго плебса, чѣмъ въ Галицiи.

А все это сводится къ тому, что вмѣсто того, чтобъ Галицiя оказывала политическое влiяніе на руссiйскую Украину, скорѣе послѣдняя окажетъ его на Галицiю. Если дѣла руссiйской Украины уладятся сколько нибудь нормально въ политически свободной Россiи и если въ то же время австрiйско-польско-венгерскіе политики не измѣнятъ своего отношенiя къ русинамъ по вопросамъ національнымъ и социальнымъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что руссiйскіе украинцы употребятъ свои усилiя къ помощи своимъ австрiйскимъ братьямъ и сосѣдямъ и не отступятъ даже передъ вовлеченiемъ Россiи въ войну для ихъ освобожденiя. *) Сегодня, можетъ быть, эти слова покажутся кому нибудь фанфаронствомъ, — но, *qui vivit, veget!* Только бы управиться съ руссiйскимъ самодержавiемъ! Это тотъ Каро-генъ, который прежде всего надо разрушить украинцамъ, какъ и всѣмъ другимъ народамъ Россiи, начиная съ самихъ великоруссовъ.

М. Драгомановъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Ссылки студентовъ. Въ послѣднюю минуту мы узнали, что изъ Петербурга выслано уже 65 ч. студентовъ.

Литературныя вѣсти. Цензура не разрѣшила недавно печатанiя популярной биографiи Шевченка на украинскомъ языкѣ.

Во Львовѣ выходитъ съ этой осени Малоруско-нѣмецкiй словарь. Евг. Желиховскаго. Вышло уже два выпуска. Цѣна 30 кр. за листъ. Всѣхъ листовъ будетъ 70.

Австрiйская культура въ Боснiи и Герцеговинѣ По бюджету Боснiи-Герцеговины на 1883 годъ, назначено: на жандармерию — 1.114.475, на школы — 91.889 гульденовъ!

Кахановская реформа. Россiя не хочетъ уступить Австрiи въ дѣлѣ цивилизацiи: русскiя газеты сообщаютъ, что кахановская коммисiя предполагаетъ переименовать столь надобныхъ всѣмъ урядниковъ въ «жандармы унтеръ-офицерскаго званiя» и увеличить число жандармовъ съ 14.000 на 40.000. Такъ

*) Не совсѣмъ невозможно, впрочемъ, что, если поляки Царства Польскаго пристанутъ къ федеральному движенiю въ Россiи, то они окажутъ благопріятное влiяніе и на своихъ соплеменниковъ въ Австрiи. Но, въ случаѣ превращенiя Россiи въ свободное государство съ самоуправленiемъ областей и націй, возможно стремленiе и у поляковъ галицкихъ, не говоря уже о познанскихъ, къ соединенiю съ такимъ государствомъ, въ которомъ будетъ свободно жить большинство ихъ соплеменниковъ.

какъ урядниковъ теперь 5000, то значить г. Кахановъ предполагаетъ осчастливить Россію прибавленіемъ 21.000 урядниковъ новаго наименованія!! То-то «мѣстное управленіе» процвѣтаетъ! Еще лучше, чѣмъ воля, о которой говорятъ слѣдующіе:

Неутратившіе бунета стихи 60-хъ годовъ. На дняхъ, перебирая бумаги бывшихъ издателей «Колокола», одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ встрѣтилъ помѣщаемые ниже стихи, какъ видно по другимъ, написаннымъ въ той же тетради, сложенные въ казанскомъ краѣ:

Воля.

(Въ pendant къ картинѣ Майкова).

— Тятя! звонъ что народу

Собралось у кабака.

Все толкуютъ про свободу...

Тятя! кто она така?

— «Цыц! нишні! Пушай гугорюють.

Напе дѣло — сторона!

Какъ возьмутъ тебя да вспорюють,

Такъ узнаешь, — кто она!»...

ВЫНУЖДЕННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Мы очень сожалѣемъ о необходимости занять нѣсколько строкъ въ нашемъ изданіи и нѣсколько минутъ вниманія у нашихъ читателей настоящимъ объясненіемъ, но, при той степени культурности, на которой стоитъ большое число нашихъ соотечественниковъ, пассажи, въ родѣ того, какой подалъ поводъ къ этому объясненію, неизбежно должны случаться съ каждымъ дѣловымъ человекомъ, а потому неизбежны и подобныя объясненія.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Съ послѣдняго лѣта стала выходить въ Женевѣ русская газета «Правда». Такъ какъ она въ первомъ номерѣ изъявила готовность бороться противъ «Кнуто-Монархическаго Абсолютизма» въ Россіи, то мы и сочли нужнымъ извѣстить о ея выходѣ. Но такъ какъ въ первомъ же №-рѣ «Правды» мы наткнулись на признаки недогадливости (чтобы не сказать болѣе) новой газеты и выѣсть съ тѣмъ на признаки попользованій совѣсть не литературнаго свойства (а ищейскаго — готовы вбрызгать, что съ самыми благими цѣлями), то мы и воздержались отъ дальнѣйшихъ о ней разговоровъ. Черезъ нѣсколько номеровъ новая газета стала изъ конституціонной — республиканско-соціалстическою, а за тѣмъ общино соціалстическою, чтобы затѣмъ залить (№ 10) признание возможности «существенныхъ пожертвованій петербургскаго (Кнуто-монархическаго) правительства на аграрной почвѣ» и готовность «содействовать такому правительству и возставать противъ правительственнаго либерализма хотя бы во имя креста, царя пушки и шапки Мономаха». Но обнаруженныя уже въ 1-мъ № не литературныя свойства новой газеты успѣли и осложнились другими, столь же нелиберальными, — потому мы тѣмъ болѣе не желали говорить объ этой газетѣ, хотя она сдѣлала изъ нападокъ на насъ свою главную специальность, не переставая при этомъ компилировать нашъ фактической матеріалъ прямо для козенно*).

*) Единственно, чтобы наше замѣчаніе не показало голословнымъ для тѣхъ, кто не видѣлъ «Правды», мы должны вѣдаться въ нѣкоторыя подробности: такъ, напр., всѣ разоблаченія «Правды» о Св. Дружинѣ, о Добровольной Охранѣ и старообрядцахъ, извѣстія о Делиновѣ и Поляковѣ появились вслѣдъ за нашими, только съ нѣкоторыми небольшими добавками изъ иностранныхъ газетъ или съ курьезами, въ родѣ нижеслѣдующаго: болѣе мѣсяца назадъ, въ 47 №-рѣ, мы напечатали прокламацію петербургскихъ студентовъ, которая вслѣдъ за тѣмъ была помѣщена, — въ сокращенномъ, конечно, видѣ, въ нѣмецкихъ газетахъ, между прочимъ и въ «Basler Nachrichten». «Правда» въ своемъ повѣйшемъ (10-омъ) №-рѣ, отъ 21 Ноября, напечатала переводъ этого нѣмецкаго сокращенія, съ замѣчаніемъ, что-де «настоящая прокламація была сообщена намъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ» (!!), и при этомъ привела, какъ часть прокламаціи, замѣчаніе, которое отъ себя прибавила базельская газета!! Этотъ курьезъ превосходитъ даже производство «Правдою», вслѣдъ за одною французскою газетою, шпіонствующихъ героевъ львовскаго процесса т. наз. москвофиловъ — въ республиканцы и соціалисты-революціонеры («Правда № 3»). И послѣ этого господна, пишущіе въ «Правдѣ», хотѣть, чтобы ихъ считали политическими дѣятелями и литераторами!

Но вотъ въ 8-мъ №-рѣ «Правды» мы увидѣли подпись г-на Сидорацкаго, котораго, въ виду многихъ доставленныхъ имъ намъ, по его собственной инициативѣ статей, мы имѣли основаніе считать нашимъ сотрудникомъ. Статья эта (одна изъ принятыхъ нами) напечатана была въ содѣйствіе самому невыгодному для нравственнаго и интеллектуальнаго достоинства г-на Сидорацкаго и его политическихъ друзей*). Вслѣдствіе этого мы, которые не желаемъ имѣть ничего общаго (всего менѣе общихъ сотрудниковъ) съ «Правдой», сочли вдвойнѣ умѣстнымъ обратиться къ г-ну С-ому съ предложеніемъ: или сдѣлать заявленіе о томъ, что онъ попалъ въ «Правду» случайно и не имѣетъ ничего общаго съ ея содержаніемъ, — или взять назадъ свои статьи, присланныя имъ въ нашу газету. Въ отвѣтъ на это г-нъ С-ой прислалъ намъ длинную статью о «Правдѣ», которую мы уже рѣшительно не могли напечатать (мы не считаемъ себя вправе разбирать ее и предоставляемъ г-ну С-ому напечатать ее въ самой «Правдѣ») и которая къ тому же не заключала въ себѣ категорическаго отвѣта на наше предложеніе, а потому мы и возвратили г-ну С-ому какъ эту статью, такъ равно и всѣ присланныя имъ намъ сочиненія при письмѣ, которое тоже мы предоставляемъ г-ну С-му право напечатать и которое, спѣшимъ прибавить не заключающаго въ себѣ ничего оскорбительнаго для г-на С-аго.

Между тѣмъ, пока наша посылка ѣхала въ Парижъ г. С-ой, увидѣвъ, что въ 49 №-рѣ «В. Сл.» изъ его сочиненія, прислалъ намъ дешую о возвращеніи его статей (о посылкѣ которыхъ нами имѣется у насъ почтовая росписка) и за тѣмъ прислалъ намъ страннаго содержанія почтовую карту, которую препроводилъ и въ «Правду», а эта посылка напечатать ее, точно важную политическую повѣсть, особымъ прибавленіемъ къ своему 9-му №-ру уже въ то время, когда г. С-ой нѣрное имѣлъ въ рукахъ нашу посылку и письмо при ней. Вотъ эта карта:

Прибавленіе къ № 9-му «Правды».

Въ редакцію такъ называемаго „Вольнаго“ Слова.

Желая сохранить независимость своихъ убѣжденій и пользоваться свободою слова, за которую боролся я противъ русскаго правительства втеченіи десятка лѣтъ (жертвуя своимъ здоровьемъ), я прошу редакцію «Вольнаго» Слова немедленно возвратитъ всѣ семь моихъ статей, принятыхъ ею для напечатанія и больше не именовать меня ни «сотрудникомъ» ни «уважаемымъ сотрудникомъ», ибо этого «уваженія» и не заслужилъ, будучи чистокровнымъ нигилистомъ и революціонеромъ, если же и посылать статьи въ органъ нѣсколькихъ деревенскихъ помѣщиковъ черноземной полосы, то лишь для того, чтобы на этой лошади проѣхать чуждену намъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ» (!!), и при этомъ привела, какъ часть прокламаціи, замѣчаніе, которое отъ себя прибавила базельская газета!! Этотъ курьезъ превосходитъ даже производство «Правдою», вслѣдъ за одною французскою газетою, шпіонствующихъ героевъ львовскаго процесса т. наз. москвофиловъ — въ республиканцы и соціалисты-революціонеры («Правда № 3»). И послѣ этого господна, пишущіе въ «Правдѣ», хотѣть, чтобы ихъ считали политическими дѣятелями и литераторами!

*) Между прочимъ въ этомъ №-рѣ «Правды» признавались полезными народныя бѣдствія, какъ морь, предлагались социалистамъ: обманъ народа, (при «полной безопасности» обманщиковъ, вслѣдствіе какихъ то «особыхъ» пріемовъ, выработанныхъ благородною редакціей), порча скота, поджоги п убійства личныхъ собственниковъ, даже крестьянъ, и преимущественно болѣе гуманныхъ и т. д. Если бы это, да и всѣ оригинальныя статьи «Правды» печатались, напр., по французски, мы бы ни на секунду не усомнились, что имѣемъ дѣло съ мушарами и агентами - провокаторами (третьяго сорта, конечно) какого нибудь бонапартизма. При той же степени умственнаго и нравственнаго развитія и вообще культурности, на которой стоитъ русское населеніе, не невозможно, что всѣ прелести «Правды» ишутся и искренно, но онѣ тѣмъ не менѣе остаются отвратительными для всѣхъ порядочныхъ людей, — которыхъ не мало же развелось уже и въ русскомъ обществѣ, — и вредными для революціонеровъ, особенно для социалистовъ.

резъ закрытую для меня російскую границу и бытъ случайно прочтеннымъ двумя-тремя честными людьми.

18 ноября 1882 г.

Василій Сидорацкій.

Парижъ.

34, Rue d'Ulm.

Такъ какъ мы держимся относительно всѣхъ лицъ, съ которыми намъ пришлось имѣть какое либо общее дѣло, правила: aut bene, aut nihil, то мы не будемъ ни комментировать, ни дополнять это писмо какими либо подробными разъясненіями. Да по главному пункту дѣла всякія объясненія и изъясненія, такъ какъ всякому очевидно, что претензія г-на С-аго на право безразличнаго или, лучше, безцеремоннаго писанія и въ «В. С.», и въ «Правдѣ» не имѣетъ ничего общаго съ свободой убѣжденій, и что всѣмъ своимъ поведеніемъ въ этомъ дѣлѣ г. С-ой не оказалъ большой услуги себѣ, ни какимъ то «чистокровнымъ нигилистамъ», а тѣмъ болѣе «революціонерамъ» (конечно нравственно-чистоплотнымъ).

Какъ бы то тамъ ни было, а мы очень рады, что г. С-ой оказалъ намъ услугу, взявъ на себя инициативу печатнаго заявленія о томъ, что мы не имѣемъ ничего общаго съ «Правдой» и не будемъ даже дѣлать съ этой газетою чести перевозить сочиненія г. С-аго черезъ російскую границу. Въ прошедшемъ мы несли эту, какъ оказалось теперь, конскую, въ глазахъ г. С-аго, повинность, главнымъ образомъ, изъ искренняго желанія услужить ему и его товарищамъ, — какъ жертвамъ политическаго деспотизма въ Россіи, — и отъ всей души желаемъ, чтобы поведеніе г. С-аго не отбилось у другихъ охоты къ подобной услужливости.

Р. С. Замѣтка эта была уже набрана, когда мы получили новый, 11 №-рѣ «Правды», въ которомъ еще разъ напечатана карта г. С-аго, уже какъ «сотрудника» газеты (почти весь №-рѣ написанъ г. С-имъ), — при чемъ намъ опять достается и отъ редакціи, и отъ г. Сидорацкаго. Конечно, на этомъ дѣлѣ не остановится. Но мы спѣшимъ успокоить нашихъ читателей: мы, по прежнему, не будемъ обращать вниманія на всѣ выходы «Правды». Мало ли чего не можетъ написать «Камаринскій мужикъ», забѣжавшій въ своемъ извѣстномъ видѣ и въ заграничную печать? А если кому угодно «сотрудничать» ему въ бѣганіи въ этомъ видѣ по типографіямъ, если еще не по улицамъ свободной Гельвеціи, то тѣмъ хуже для него-же. Прибавимъ: и тѣмъ хуже еще, что камаринскія процессіи фатально оканчиваются междоусобіемъ, какъ показываетъ это исторія походовъ «камаринцевъ» и на родни, и въ самой Женевѣ.

Окончено печатаніемъ:

ПОЛІТИЧНІ ПІСНІ

УКРАЇНСЬКОГО НАРОДУ

з увагами

М. Драгоманова.

Частина I:

Кінець козацтва.

Розділ I:

Занорозці в 1709—1739 рр.

Ціна 3 фр. 50 с.

У Н. GEORG, Genève, Corratier, 10,

ПРОДАЕТСЯ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. ГЕРЦЕНА.

ДЕСЯТЬ ТОМОВЪ ПО 4 фр. ЗА ТОМЪ

Genève. Imprimerie de la Parole libre, chemin Dancet, 15